

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024, том 7, № 4

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2024, volume 7, No. 4

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2024, том 7, № 4

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском языках*. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камиловна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986

ГК «Урал-Пресс»

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирзянов Альфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2024, volume 7, No. 4

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Методология и технология профессионального образования	
Васильева В.И. Особенности применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе	423
Фонова Е.Г. Разработка самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта по Лингвистике: проблемы и перспективы	436
• Филология. Литературы народов мира	
Юзмухаметова Л.Н. Постколониальная британская проза: роман А. Гурны «Уход»	447
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Подлесная Ю.Е. Проблематика категорий аффикса сказуемости и личного аффикса в турецком языке	458
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Бейсенова М.К. Кенжетеева Г.К. Яхин М.А. Англицизмы как средство привлечения аудитории в казахстанском медийном дискурсе	469
Гусева М.И., Заглядкина Т.Я. Языковые средства выразительности с компонентом молодежной лексики в немецкой рекламе	481
Калинина Г.С., Габдреева Н.В. Арабская специфика формул речевого этикета на фоне русской корреляции на примере интенции «Приглашение»	495
Манаева И.В. Функциональная прагматика институционального дискурса профсоюзной работы	505
Николаева Т.Н. Лингвокультуремы текста «Ахтыылар/ Воспоминания/ Erinnerungen» А.Я. Уваровского в сопоставительном аспекте	518
Чабанная А.Г. Дискурсивные механизмы речевого манипулирования в немецкоязычном политическом дискурсе на примере концептуальной оппозиции «власть – народ»	529

CONTENT

<ul style="list-style-type: none"> • Pedagogy. Methodology and technology of vocational education 	
Vasileva V.I. Features of Using VR Technology in Teaching Foreign Languages	423
Fonova E.G. Development of a Self-Determined Educational Standard in Linguistics: Problems and Prospects	436
<ul style="list-style-type: none"> • Philological studies. Literature of the peoples of the world 	
Yuzmukhametova L.N. Postcolonial British prose: A. Gurnah's novel "Desertion"	447
<ul style="list-style-type: none"> • Philology. Languages of peoples of foreign countries 	
Podlesnaya Y.E. Problematics of the Categories of the Predicate Affix and the Personal Affix in the Turkish Language	458
<ul style="list-style-type: none"> • Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics 	
Beisenova M.K., Kenzhetayeva G.K., Yahin M.A. Anglicisms as a Tool for Attracting Audiences in Kazakhstani Media Discourse	469
Guseva M.I., Zaglyadkina T.Y. Linguistic Means of Expression with the Component of Youth Vocabulary in German Advertising	481
Kalinina G.S., Gabdreeva N.V. Arab Specificity of Speech Etiquette Formulas on the Background of Russian Correlation by the Example of the Intention "Invitation"	495
Manaeva I.V. The Functional Pragmatics of Institutional Workers' Union Officials Discourse	505
Nikolaeva T.N. Linguoculturemes of the text "Akhtyylar/Memoirs/Erinnerungen" by A.Ya. Uvarovsky in a Comparative Aspect	518
Chabannaya A.G. Discursive Mechanisms of Speech Manipulation in German–Language Political Discourse on the Example of the Conceptual Opposition "Government – People"	529

ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 378

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ VR-ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В.И. Васильева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
lerasoshnikovaaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1728-2526>

Аннотация. Целью данной статьи является исследование специфики использования технологии виртуальной реальности в процессе обучения иностранному языку. Проанализирована научная и методическая литература по данной проблематике, в результате анализа выявлены преимущества, недостатки и трудности внедрения данной технологии, которые показывают, что, несмотря на перспективы использования технологии VR в образовании, необходимо ее практическое применение для оценки эффективности. На основе полученной информации нами предпринята попытка дать рекомендации по преодолению трудностей внедрения и применению VR в языковом образовании, которые представлены поддержкой инноваций в образовании, повышением компетентности преподавателей в сфере виртуальной реальности, увеличением разнообразия VR-контента, стандартизацией использования данной технологии в области образования, а также контроль за ее влиянием на здоровье обучающихся. Также в результате исследования сделан вывод о том, что понятие «виртуальная реальность в языковом образовании» требует уточнения, поэтому нами предпринята попытка его определить. Выявлены и обоснованы ключевые принципы (дидактической целесообразности, профессиональной направленности, интерактивности, связи теории с практикой) и подходы, применимые в процессе использования VR в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: виртуальная реальность; VR; цифровые технологии; коммуникативные навыки; языковое образование

Для цитирования: Васильева В.И. Особенности применения VR-технологии в обучении иностранному языку в вузе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 423–435. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>

Original article

Pedagogy studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>

FEATURES OF USING VR TECHNOLOGY IN TEACHING FOREIGN
LANGUAGES

V.I. Vasileva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
lerasoshnikovaaa@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1728-2526>

Abstract. The aim of this article is to study the specifics of using virtual reality technology in the process of teaching foreign languages. The scientific and methodological literature on this issue is analyzed, and as a result of the analysis, the advantages, disadvantages, and difficulties of implementing this technology are identified. Despite the prospects of using VR technology in education, practical application is necessary to assess its effectiveness. Based on the obtained

information, an attempt is made to provide recommendations for overcoming the difficulties of implementing and using VR in language education. These recommendations include supporting innovations in education, increasing teachers' competence in the field of virtual reality, expanding the diversity of VR content, standardizing the use of this technology in education, and controlling its impact on students' health. The research also concludes that the concept of "virtual reality in language education" requires clarification, and an attempt is made to define it. Key principles (didactic expediency, professional orientation, interactivity, connection of theory with practice) and approaches applicable in the process of using VR in teaching foreign languages are identified and substantiated.

Keywords: virtual reality; VR; digital technologies; communication skills; language education

For citation: Vasileva V.I. Features of Using VR Technology in Teaching Foreign Languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 423–435. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.423-435>

Метод полного погружения считается эффективным способом изучения иностранных языков. Однако, воспроизведение реальной языковой среды зачастую невозможно в рамках языковых курсов, например, общение с носителями языка, участие в переговорах или посещение мест за пределами страны. В этом контексте, технология виртуальной реальности представляет собой доступный способ погружения в естественную языковую среду, который, по мнению Т. И. Красновой, обеспечивает обучение в условиях, близких к реальным [1, с. 89].

Проведенный анализ научной литературы по использованию виртуальной реальности в обучении иностранному языку показывает, что большинство исследований сосредоточено на теоретических аспектах. Существует нехватка исследований, которые бы занимались изучением практического применения виртуальной реальности в обучении иностранным языкам и оценкой её эффективности, что необходимо для полного понимания данной проблематики.

Ю.С. Хукаленко подчеркивает необходимость более глубокого изучения виртуальной реальности в образовательном процессе [2, с. 118]. Ю. Боннер и Х. Рейндерс отмечают, что, несмотря на растущую популярность VR/AR-приложений, они еще не получили достаточного применения в обучении иностранным языкам [3, с. 36]. В.В. Котенко указывает на то, что применение VR в изучении иностранных языков еще находится на начальном этапе,

поскольку основное внимание сосредоточено на внедрении этой технологии в естественные науки, такие как медицина и биология [4, с. 256]. Т.И. Краснова же утверждает, что хотя эффективность применения виртуальной реальности уже доказана в естественных науках, ее дидактический потенциал в образовании в целом, включая языковое образование, остается недостаточно исследованным [1, с. 89-90].

В современных исследованиях виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) рассматриваются как инновационные информационные пространства, которые открывают новые возможности для обучения. З.И. Коннова и Г.В. Семенова описывают VR и AR в контексте педагогики как среду, где учащиеся могут не только получать информацию, но и активно взаимодействовать, реализовывать проекты и заниматься научно-исследовательской деятельностью [5, с. 58].

Также в научной литературе предпринимаются попытки определить VR в контексте языкового образования. Опираясь на определение Я.Ю. Ленсу, В.В. Борщева видит виртуальную реальность как компьютерное пространство, которое воссоздает социокультурную среду страны изучаемого языка и позволяет обучающимся погружаться в языковые и культурные контексты [6, с. 65].

На наш взгляд, определение понятия «виртуальная реальность в языковом образовании» требует уточнения. Мы предлагаем следующую формулировку: виртуальная реальность в языковом образовании представляет собой смоделированную реальность, позволяющую обучающемуся стать участником коммуникативной ситуации на изучаемом языке.

Исследование научно-методической литературы выявило ряд ключевых преимуществ использования виртуальной реальности в образовании:

1. **Усиление мотивации и интереса** к изучению иностранных языков, что, как указывает А.А. Рольгайзер, достигается через геймификацию образовательного процесса, знакомую учащимся с детства благодаря цифровым технологиям [7, с. 172]. П. Арванатис подчеркивает, что успехи, интерес и

мотивация студентов в изучении языка с помощью VR связаны с возможностью креативно подходить к выполнению коммуникативных задач [8, р. 171]. Е.А. Стародубцева [9, с. 112] отмечает, что VR привлекает внимание студентов, представляя собой новизну в обучении [9, с. 112], а В.Н. Таран добавляет, что элемент удивления также способствует запоминанию материала [10, с. 62];

2. **Снижение отвлекающих факторов**, которые препятствуют эффективному изучению языка, позволяет учащимся сосредоточиться на предмете обучения без внешних помех, как отмечается в работах [7, с. 172], [9, с. 113], [11, с. 4], [1, с. 90];

3. **Способствование развитию инклюзивного образования**, поскольку некоторые VR-устройства могут быть адаптированы для нужд людей с ограниченными возможностями [9, с. 112], как отмечает А.А. Рольгайзер, позволяя им оставаться включенными в учебный процесс [7, с. 172];

4. **Возможность присутствия и взаимодействия в ситуациях и местах, которые обычно недоступны** учащимся из-за различных объективных причин, таких как расстояние, время или безопасность [11, с. 5], [12, с. 79], [13, с. 83]. Это позволяет студентам не быть привязанными к одному месту и переходить из одной виртуальной сцены в другую, при этом испытывая реалистичные ощущения от виртуальных путешествий, как указывает Е.А. Стародубцева [9, с. 112].

Применение технологий виртуальной реальности в сфере языкового образования открывает перед педагогами и студентами новые перспективы для улучшения процесса обучения. По мнению П. П. Ростовцевой, VR способствует более быстрому преодолению языкового барьера, так как погружение в различные ситуации позволяет учащимся практиковать язык в контексте, максимально приближенном к реальности. Это не только улучшает понимание иноязычной лексики, но и помогает студентам развивать коммуникативные навыки в безопасной и контролируемой среде. Помимо этого, анализируя работы Е.В. Пестовой, В.В. Дронова, И.Г. Никитичева, Л.В. Ивановой и В.Н.

Таран, исследователь подчеркивает, что виртуальное пространство улучшает усвоение иностранных слов и фраз за счет создания реалистичных коммуникативных сценариев [14, с. 234]. Это позволяет студентам не только запоминать новую лексику, но и использовать её в соответствующих ситуациях, что является ключевым аспектом эффективного языкового обучения.

Технология виртуальной реальности предлагает и другие преимущества для образовательного процесса:

4. **Повышение уверенности и снижение тревожности:** VR помогает студентам чувствовать себя более уверенно и менее тревожно при изучении иностранного языка, что способствует более свободному общению [7, с. 172], [1, с. 89];

5. **Улучшение гибкости мышления:** использование VR в обучении способствует развитию способности быстро адаптироваться к новым условиям и сценариям, что является важным навыком в современном мире [9, с. 111-112], [14, с. 234];

6. **Развитие пространственного мышления,** что может улучшить понимание и восприятие пространства у обучающихся [10, с. 62];

7. **Вовлечение всех органов чувств:** обучение с использованием VR задействует множество органов чувств, что увеличивает эффективность усвоения материала, так как мозг получает информацию через разные каналы [6, с. 65];

8. **Формирование поликультурной грамотности:** VR служит источником социокультурной информации, что способствует развитию поликультурной грамотности у студентов [6, с. 65];

9. **Влияние на когнитивные способности и эмоциональную сферу:** Е.А. Стародубцева предполагает, что VR может улучшить самоконтроль и долговременную память за счет более эффективной работы с информацией [9, с. 112-113];

10. **Избегание использования родного языка:** Т.И. Краснова отмечает, что VR позволяет избежать использования родного языка в процессе обучения, что способствует более глубокому погружению в изучаемый язык [1, с. 90].

Необходимо отметить, что технология виртуальной реальности отражает *личностно-ориентированный подход* в обучении, что позволяет обучающимся использовать иностранный язык как средство профессионального самовыражения [1, с. 89]. По мнению таких исследователей, как П.Г. Лабзина, М.В. Гуреев, М.Е. Жабин и Е.И. Новалов, использование VR в языковом образовании дает студентам возможность формировать уникальный образовательный маршрут [13, с. 85]. Они подчеркивают, что такой подход в обучении опирается на ряд принципов: фасилитации, автономии, интерактивности, профессиональной направленности, мультимодального представления информации и самостоятельной учебной деятельности, что в совокупности способствует более глубокому и осмысленному изучению языка [Там же, с. 81]. Рассмотрим подробнее эти принципы:

1. **Принцип фасилитации.** Этот принцип подразумевает создание учебной среды, максимально приближенной к реальной, что способствует повышению продуктивности обучения;

2. **Принцип автономности.** Он направлен на развитие у обучающихся способности к самостоятельному принятию решений и ответственности за своё обучение;

3. **Принцип профессиональной направленности.** Этот принцип ориентирован на развитие конкретных знаний и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности;

4. **Принцип мультимодальности.** Обучение в VR интегрирует текст, изображения, звук и видео, что делает процесс обучения более близким к естественному коммуникативному процессу;

5. **Принцип интерактивности.** VR предоставляет возможности для активной коммуникативной деятельности, что способствует лучшему усвоению языка [Там же, с. 81-84].

Обзор существующих программ показывает, что студенты не только взаимодействуют друг с другом в виртуальной среде, но и общаются с виртуальными персонажами. Это взаимодействие расширяется за счет использования искусственного интеллекта, который внедряется в VR программы, позволяя персонажам отвечать на действия пользователей в реальном времени, что делает процесс обучения более погруженным и эффективным. Т.И. Краснова подчеркивает значимость интеграции искусственного интеллекта в VR-программы, отмечая, что это не только повышает реалистичность и интерактивность обучения, но и способствует его персонализации. Это также соответствует *личностно-ориентированному подходу* в образовании [15, с. 18]. Искусственный интеллект обеспечивает студентам индивидуальную обратную связь, адаптируясь к их уникальным характеристикам и потребностям. Таким образом, VR обогащается не только AI, но и технологиями распознавания речи, что в совокупности улучшает качество образовательного процесса [2, с. 125]. А.А. Рольгайзер отмечает, что в настоящее время особую популярность приобретают VR-платформы, которые интегрируют различные цифровые технологии [7, с. 171].

Ю. С. Хукаленко подчеркивает значимость принципа дидактической целесообразности при внедрении технологий виртуальной реальности в образовательный процесс. Он утверждает, что, несмотря на значительные преимущества VR, ее использование должно быть оправдано с точки зрения образовательных результатов и превосходить традиционные методы по эффективности. Это означает, что VR должна применяться не ради новизны, а когда она действительно способствует лучшему усвоению материала и решению учебных задач [2, с. 125].

Исходя из анализа научной и методической литературы, мы предлагаем следующие ключевые принципы обучения иностранным языкам посредством технологии виртуальной реальности:

1. *Принцип дидактической целесообразности;*
2. *Принцип профессиональной направленности;*
3. *Принцип интерактивности;*

4. *Принцип связи теории с практикой.* На наш взгляд, принцип интеграции теоретических знаний с практическими навыками является одним из ключевых при включении VR-технологий в процесс изучения иностранных языков. Это предполагает использование VR для закрепления материала, который был изучен заранее, через его практическое применение в виртуальной среде;

5. Принцип доступности. Принцип доступности в контексте использования VR в образовании подразумевает создание таких обучающих программ, которые соответствуют уровню знаний и навыков студентов. Преподаватели должны тщательно подбирать содержание и сложность VR-сценариев, чтобы они были не только полезными, но и доступными для учащихся, способствуя эффективному обучению.

Кроме *личностно-ориентированного подхода*, важно также применять *коммуникативный, деятельностно-ориентированный и компетентностный* подходы при обучении иностранным языкам с помощью VR. Это обеспечит не только развитие личностных качеств учащихся, но и поможет им научиться эффективно общаться, действовать в различных ситуациях и формировать необходимые компетенции. Все эти подходы в совокупности создают мощную основу для всестороннего развития языковых навыков.

Несмотря на то, что технология виртуальной реальности обладает множеством преимуществ, ее интеграция в учебный процесс имеет ряд проблем и недостатков. Исследователи выделяют следующие основные трудности:

1. Затраты на оборудование. Исследователи указывают на высокие финансовые затраты, связанные с приобретением необходимого VR-оборудования и программного обеспечения, как на основное препятствие для его внедрения в образовательный процесс. Кроме того, требуется современная компьютерная техника [7, с. 172], [5, с. 62], [14, с. 256], [4, с. 96], [16, с. 106]. Отдельное внимание следует уделить подготовке аудиторий для занятий с использованием VR, так как установка оборудования, включая датчики движения, является сложной и ограничивает его мобильность.

2. Компетенции преподавателя. Еще одной проблемой является подготовка преподавателей в области информационно-коммуникационных технологий и их недостаточная заинтересованность в использовании цифровых технологий, в том числе технологии виртуальной реальности [17, с. 257], [7, с. 172]. Это создает необходимость в дополнительной переподготовке педагогов и внесении изменений в учебные программы для будущих специалистов, чтобы развивать умения работы с цифровыми инструментами и применять VR в обучении иностранным языкам [4, с. 256]. Помимо этого, возникает потребность в разработке методик преподавания с использованием VR.

Более того, по мнению В.В. Борщевой, использование VR в образовании увеличивает трудозатраты и время, необходимое преподавателям для подготовки к занятиям, что может отрицательно сказаться на их работоспособности и подготовке к другим учебным задачам [6, с. 26].

3. Ограниченный контент VR-приложений. З.И. Коннова и Г.В. Семенова отмечают, что содержание VR-приложений не всегда соответствует учебным программам, что делает VR только дополнительным средством для обучения иностранным языкам [5, с. 61].

4. Юридические проблемы. Существуют сложности с кибербезопасностью и конфиденциальностью данных [16, с. 96], а также отсутствие установленных правил и стандартов для использования VR в образовательной среде [18, с. 87].

5. Вред здоровью и зависимость. Неправильное использование VR может нанести вред здоровью учащихся и способствовать развитию зависимости от виртуальной реальности [7, с. 172], [14, с. 234] .

Для преодоления выявленных трудностей и недостатков в области использования VR в образовании, мы предлагаем следующий комплекс мер:

1. *Поддержка инноваций в сфере образовательных цифровых технологий.* Необходимо стимулировать внедрение и разработку новых цифровых инициатив в образовательных учреждениях, включая поддержку исследований в сфере VR-обучения иностранным языкам, а также финансирование приобретения необходимого оборудования и программного обеспечения VR.

2. *Повышение компетенций преподавателей в области VR.* Разработка и внедрение курсов для повышения квалификации педагогов, организация методических семинаров и других мероприятий, направленных на освоение эффективных методик использования VR в учебном процессе.

3. *Расширение VR-контента.* Увеличение количества и разнообразия VR-программ, соответствующих учебным программам, и их интеграция в образовательный процесс как дополнение к традиционным занятиям, что делает обучение более интересным для цифрового поколения.

4. *Стандартизация использования VR.* Создание чётких регламентов и стандартов для применения VR-технологий в образовательной сфере.

5. *Контроль времени работы с VR.* Введение временных ограничений на использование VR-технологий до 20 минут в день для предотвращения возможного негативного воздействия на здоровье студентов [5, с. 61].

Исходя из проведенного анализа научных работ, посвященных виртуальной реальности, можно сделать вывод, что эта технология обладает множеством преимуществ, но также сопровождается рядом сложностей при ее интеграции в образовательный процесс. В связи с этим, были разработаны специализированные рекомендации и методические подходы, которые должны

способствовать более эффективному использованию VR-технологий. Однако для их дальнейшего усовершенствования и адаптации к реальным условиям обучения необходимо проведение практических исследований, что представляет собой актуальное направление для будущих научных работ в данной области.

Список литературы

1. Краснова Т.И. Потенциал иммерсивной виртуальной реальности в обучении иностранным языкам. *МНКО*. 2023;№1(98):89–91.
2. Хукаленко Ю.С. Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок. *Известия Восточного института*. 2021;2(50):118–128.
3. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in the Language Classroom: Practical Ideas. *Teaching English with Technology*. 2018;3:33–53.
4. Котенко В.В. Проблемы и возможности применения технологий дополненной и виртуальной реальности в преподавании иностранного языка. *Ученые записки университета Лесгафта*. 2020;3(181):252–258.
5. Коннова З.И., Семенова Г. В. Технологии дополненной и виртуальной реальностей: инновации в обучении иностранным языкам в вузе. Научный результат. *Педагогика и психология образования*. 2021;3:53–65.
6. Борщева В.В. Виртуальная реальность в языковом образовании: потенциал технологии. *Педагогика и психология образования*. 2018;1:64–70.
7. Рольгайзер А.А. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности при обучении иностранному языку в вузе. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022;5(97):170–173.
8. Arvanitis P. VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching. *INTED2019 Proceedings*. 2019:2222–2228.
9. Стародубцева Е.А. Использование технологии виртуальной реальности в обучении иностранным языкам в вузе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;1:110–113.
10. Таран В.Н. Применение дополненной реальности в обучении. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018;2:333–337.
11. Доброва В.В., Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки*. 2016;4(32):55–60.
12. Троепольская А.П. Виртуальная реальность в обучении иностранным языкам. *Скиф*. 2022;4(68):76–81.
13. Лабзина П.Г., Гуреев М.В., Жабин М.Е., Новалов Е. И. Принципы обучения профессионально ориентированному иностранному языку в виртуальной реальности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки*. 2017;4(36):79–89.
14. Ростовцева П.П. Виртуальная реальность в иноязычном учебном процессе. *МНКО*. 2023;2(99):233–235.
15. Краснова Т.И. Инновационное изучение языков: исследование иммерсивных виртуальных сред. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023;3(107):119–123.
16. Иванова А.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2018;3(106):88–107.

17. Шакирова А.А. Цифровые инструменты в преподавании курсов иностранного языка в вузе. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(2):257–269.
18. Крылова А.С. Использование дополненной реальности в образовательных целях. *European Science*. 2016;6(16):87–88.

References

1. Krasnova T.I. The Potential of Immersive Virtual Reality in Foreign Language Learning. *MNKO*. 2023;1(98):89–91. (In Russ.)
2. Hukalenko Y.S. Foreign Language Learning (Using English as an Example) with Virtual Reality Technology: A Review of Main Developments. *News of the Eastern Institute*. 2021;2(50):118–128. (In Russ.)
3. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in the Language Classroom: Practical Ideas. *Teaching English with Technology*. 2018;3:33–53.
4. Kotenko V.V. Problems and Opportunities of Using Augmented and Virtual Reality Technologies in Foreign Language Teaching. *Lesgaft University Scientific Notes*. 2020;3(181):252–258. (In Russ.)
5. Konnova Z.I., Semenova G.V. Augmented and Virtual Realities Technologies: Innovations in Foreign Language Teaching at University. Scientific Result. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2021;3:53–65. (In Russ.)
6. Borscheva V.V. Virtual Reality in Language Education: The Potential of Technology. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2018;1:64–70. (In Russ.)
7. Rolgaiser A.A. Application of Virtual and Augmented Reality Technologies in Foreign Language Teaching at University. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2022;5(97):170–173. (In Russ.)
8. Arvanitis P. VR vs AR are Suitable for the Development of Linguistic Skills in Second Language Teaching. *INTED2019 Proceedings*. 2019:2222–2228.
9. Starodubtseva E.A. The Use of Virtual Reality Technology in Foreign Language Learning at University. Humanities Sciences. *Bulletin of the Financial University*. 2022;1:110–113. (In Russ.)
10. Taran V.N. The Use of Augmented Reality in Teaching. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018;2:333–337. (In Russ.)
11. Dobrova V.V., Labzina P.G. Virtual Reality in Foreign Language Teaching. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*. 2016;4(32):55–60. (In Russ.)
12. Troepolskaya A.P. Virtual Reality in Foreign Language Learning. *Scythian*. 2022;4(68):76–81. (In Russ.)
13. Labzina P.G., Gureev M.V., Zhabin M.E., Novalov E.I. Principles of Teaching Professionally Oriented Foreign Language in Virtual Reality. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*. 2017;4(36):79–89. (In Russ.)
14. Rostovtseva P.P. Virtual Reality in the Foreign Language Learning Process. *MNKO*. 2023;2(99):233–235. (In Russ.)
15. Krasnova T.I. Innovative Language Learning: Research on Immersive Virtual Environments. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2023;3(107):119–123. (In Russ.)
16. Ivanova A.V. Virtual and Augmented Reality Technologies: Opportunities and Barriers to Application. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2018;3(106):88–107. (In Russ.)
17. Shakirova A.A. Digital Tools in Foreign Language Teaching at the University. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(2):257–269. (In Russ.)
18. Krylova A.S. The Use of Augmented Reality for Educational Purposes. *European Science*. 2016;6(16):87–88. (In Russ.)

Автор публикации

Васильева Валерия Игоревна –
Ассистент, аспирант 2 курса
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Email: lerasoshnikovaaa@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-1728-2526>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2.09.2024
Одобрена после рецензирования: 20.10.2024
Принята к публикации: 2.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит
анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в
рецензирование этой работы.

Author of the publication

Vasileva Valeriia Igorevna –
Assistant
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
Email: lerasoshnikovaaa@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-1728-2526>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Article info

Submitted: 2.09.2024
Approved after peer reviewing: 20.10.2024
Accepted for publication: 2.11.2024

The author has read and approved the final
manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.

**ПЕДАГОГИКА. МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF
VOCATIONAL EDUCATION**

Научная статья
УДК 378.14

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.436-446>

**РАЗРАБОТКА САМОСТОЯТЕЛЬНО УСТАНОВЛИВАЕМОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО ЛИНГВИСТИКЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Е.Г. Фонова

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
eugeniefonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>*

Аннотация. В статье описывается опыт составления СУОС по лингвистике, рассматриваются проблемы и перспективы его реализации. Особое внимание уделяется осмыслению новой образовательной модели уровней базового высшего образования и специализированного высшего образования программ магистратуры по направлению подготовки 45.03.02 и 45.04.02 Лингвистика. Отмечается, что переход на СУОС позволил увеличить сроки обучения на базовой ступени высшего образования, что дало возможность расширения квалификации выпускника и повышения качества образования. В статье затрагивается тема формирования жизненно-образовательного маршрута обучающегося через выбор образовательных треков и модулей. Также объясняются принципы разделения уровня специализированного высшего образования на прикладную и исследовательскую магистратуру. Подчеркивается, что немаловажным аспектом были преемственность от Федерального государственного образовательного стандарта к самостоятельно устанавливаемому образовательному стандарту и ориентация на Профессиональный стандарт 1438 «Специалист в области перевода». Важной составляющей в разработке СУОС стало определение квалификаций и образовательных результатов, так как во ФГОСе этот момент не учитывался, а прописываемая квалификация зависела от уровня образования: бакалавр или магистр. Неотъемлемая часть работы над СУОС заключалась в формулировке общепрофессиональных и профессиональных компетенций, а также их индикаторов.

Ключевые слова: самостоятельно устанавливаемый образовательный стандарт; образовательная модель; образовательный результат; общепрофессиональные и профессиональные компетенции; жизненно-образовательный маршрут

Для цитирования: Фонова Е.Г. Разработка самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта по Лингвистике: проблемы и перспективы. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 436–446. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.436-446>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.436-446>

DEVELOPMENT OF A SELF-DETERMINED EDUCATIONAL STANDARD IN LINGUISTICS: PROBLEMS AND PROSPECTS

E.G. Fonova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
eugeniefonova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>

Abstract. The article describes the experience of the self-determined educational standard in linguistics creation, considers the problems and prospects of its implementation. Particular attention is paid to the understanding of the new educational model of the levels of basic higher education and specialised higher education of Master's degree programmes in the field of study 45.03.02 and 45.04.02 Linguistics. It is noted that the transition to the self-determined educational standard allowed to increase the terms of study at the basic level of higher education, which gives the opportunity to expand the qualification of the graduate and improve the quality of education. The article touches upon the topic of formation of life and educational route of a student through the choice of educational tracks and modules. It also explains the principles of dividing the level of specialised higher education into applied and research master's programmes. It is emphasised that an important aspect was the continuity from the Federal State Educational Standard to the self-determined educational standard and orientation to the Professional Standard 1438 'Specialist in the field of translation'. The definition of qualifications and learning outcomes has become an important component in the development of the self-determined educational standard, as the Federal State Educational Standard did not take this point into account, and the qualification prescribed depended on the level of education: Bachelor or Master. An integral part of the work on the self-determined educational standard was the formulation of general professional and professional competences, as well as their indicators.

Keywords: self-determined educational standard; educational model; learning outcomes; general professional and professional competences; life and educational route

For citation: Fonova E.G. Development of a Self-Determined Educational Standard in Linguistics: Problems and Prospects. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 436–446. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.436-446>

В России в очередной раз проводится реформа высшего образования. Балтийский федеральный университет им. И. Канта вошел в пилотный проект по разработке новой образовательной модели. Согласно указу президента от 12 мая 2023 года № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [1], в 2023/24 и 2025/26 учебных годах будет проведен пилотный проект по изменению уровней профессионального образования. Он предполагает выделение двух уровней высшего образования – базовое (от 4 до 6 лет) и специализированное, предусматривающее реализацию программ магистратуры, ординатуры и ассистентуры-стажировки. В отдельный уровень про-

фобразования будет выделена аспирантура. Программа магистратуры будет занимать от 1 года до 3 лет в зависимости от направления (профиля) подготовки. Кроме того, пилотный проект предусматривает обучение лиц, имеющих высшее образование – специалитет, в магистратуре. Такое обучение не будет считаться для них получением второго или последующего высшего образования. В проекте участвуют 6 вузов, в число которых вошел БФУ.

Руководством университета было принято решение постепенно переводить программы на новую модель и разработку самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта. Первыми в эксперименте, который начался летом 2023 года, приняли участие программы по педагогике, юриспруденции и химии. Лингвистика приняла эстафету с 2024-2025 учебного года, что в короткие сроки потребовало разработки новой образовательной модели по лингвистике и самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта (СУОС), который был принят Ученым советом БФУ им. И. Канта 28 марта 2024 приказом № 294. Разработка СУОС, как отмечают А.Н. Данилов, Е.Л. Кон, Н.В. Лобов, Н.Н. Матушкин, В.И. Фрейман, А.А. Южаков, «это новое системное решение, которое позволяет повысить качество подготовки выпускников, прежде всего магистров, и полнее удовлетворить запросы развивающихся региональных рынков труда» [2, с. 6]. Поэтому для реализации пилотного проекта потребовалось не только создать новую модель лингвистического образования, но и разработать СУОС для обеспечения повышения качества обучения.

Проблемой разработки СУОС по разным направлениям подготовки в последние годы занимались также Е.В. Латышева (КФУ им. В.И. Вернадского), А.А. Александров, С.В. Коршунов, Ю.Б. Цветков (МГТУ им. Н.Э. Баумана), Е.Ю. Новикова, А.И. Сидоров, Ю.В. Тягунова, А.В. Серова, И. Апыхтина, Е. Заугольников, А. Жидков, Е. Колдунова, И.Д. Столбова, М.Б. Гитман, Т.А. Кузнецова, С.И. Пахомов и др., но все эти исследования не касались СУОС по лингвистике. Переход же вузов на пилотный проект высшего образования в Российской Федерации сейчас находится в стадии научного осмысления.

По новой модели три ступени высшего образования стали называться Базовое высшее образование, Специализированное высшее образование программ магистратуры и Аспирантура. Уже существующие программы на направлении подготовки 45.03.02 Лингвистика («Перевод и переводоведение») и 45.04.02 Лингвистика («Перевод для международного бизнеса и дипломатии» и новая программа «Экспериментальная лингвистика и искусственный интеллект»), а также 5.9.6. Германские языки надо было преобразовать согласно новой концепции высшего образования.

Было принято решение увеличить обучение на программе Базового высшего образования до 5 лет, за счет предоставления дополнительной квалификации, а на ступени специализированного высшего образования сделать как однолетнюю магистратуру – прикладную, где обучающийся лишь получает новую дополнительную квалификацию, так и двухлетнюю – исследовательскую. Ступень аспирантуры оставили без изменений.

Таким образом, модель получилась следующая. Первая ступень – базовое высшее образование, продолжительностью 5 лет. На первом году обучения студенты осваивают, так называемые общеуниверситетские дисциплины и подтягивают уровень языка, на втором и третьем курсе планируется общепрофессиональная подготовка, на старших курсах было принято решение предложить студентам образовательные треки на выбор.

Следует отметить, что в БФУ им. И. Канта активно продвигается концепция формирования обучающимися своего жизненно-образовательного маршрута, идея которого заключается в том, что каждый студент БФУ может так строить свою образовательную, профессиональную и внеучебную карьеру в университете, и позднее вне его стен, как он задумал. Можно сказать, что это индивидуальная траектория обучающегося, цель которой состоит в реализации его внутренних резервов в университетской среде в процессе обучения. Такой подход стимулирует дальнейшую самостоятельность выпускника, нацеливая его на успешность и благополучие в течение всей жизни. БФУ всячески помо-

гает ему в этом. Поэтому эта идея шла красной нитью и при составлении новой модели высшего образования. Конечно же, эта идея не нова. Здесь БФУ основывается на традиции формирования «способности к жизненному самоопределению студентов вуза», то есть осознанному подходу обучающихся к выбору пути самореализации как в профессиональном, так и в личностном плане, основываясь на рефлексии в области ценностного ориентирования, анализе своих возможностей и способностей, а также осознании себя как субъекта собственной жизни. [3, с. 283]

Для возможности реализации собственного образовательного маршрута студентам на четвертом и пятом курсе предоставляется возможность выбрать три из пяти предложенных треков (один трек в семестр): письменный перевод, устный перевод, аудиовизуальный перевод, локализация компьютерных игр, лингводидактика. Помимо этого, у обучающихся есть возможность прохождения майнеров (индивидуальных модулей) по выбранным ими специальностям (юриспруденция, психология, журналистика и т.д.), позволяющая по окончании вуза получить также диплом о профессиональной переподготовке, что расширяет возможности выпускника при дальнейшем трудоустройстве.

Ранее аудиовизуальный перевод, об актуальности изучения которого как направления подготовки переводчиков пишет О.В. Бабенко [4], и локализация были отдельными магистерскими программами, но в связи с изменением образовательной модели освоение этих профессиональных компетенций решили перенести на базовую ступень, держа в уме образ выпускника, имеющего богатый арсенал знаний и умений, востребованного на рынке труда и не нуждающегося дополнительно продолжать обучение дальше.

Что касается сроков обучения на ступени специализированного высшего образования, то для прикладной магистратуры он составляет один год, а для исследовательской – два. В аспирантуру, согласно новой модели, можно поступать как после базового высшего, так и после специализированного.

Следующей довольно сложной задачей при составлении СУОСа было определение квалификаций будущего выпускника. Идея министерства образования при создании пилотных проектов состояла в том, чтобы затем тиражировать опыт университетов, участвующих в апробации новой модели, на другие вузы Российской Федерации, поэтому квалификации и образовательный результат должны были быть сформулированы довольно обобщенно.

Помимо этого, нужно было ориентироваться на профессиональный стандарт 1438 «Специалист в области перевода» [5], вид профессиональной деятельности – 04.015 «Профессиональный перевод и управление переводческими проектами и процессами» (наименование по Общему классификатору занятий – «Переводчики и другие лингвисты»), так как других профессиональных стандартов для лингвистов не существует. Ранее во ФГОСе для направления 45.03.02 [6] и 45.04.02 [7] Лингвистика предлагался профессиональный стандарт 01 «Образование и наука» [8] с наименованием области профессиональной деятельности 01.001 «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» и 01.003 «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». В СУОСе по лингвистике мы указываем оба этих профессиональных стандарта.

Так, для уровня базового высшего образования помимо квалификации «лингвист-переводчик» было принято решение добавить квалификацию «преподаватель», так как ни для кого не секрет, что не все выпускники, обучавшиеся по направлению подготовки «Перевод и переводоведение», находят себя в сфере перевода, а часто ведут преподавательскую деятельность, поэтому было важным дать им базовые знания педагогики, психологии и методики преподавания иностранного языка. Таким образом, образовательный результат был сформулирован как «Применение системы лингвистических знаний в профессиональной деятельности. Осуществление межязыковой и межкультурной ме-

диации посредством устного и письменного перевода. Создание и реализация эффективных методик и технологий преподавания иностранного языка».

Для специализированного высшего образования программ магистратуры были предложены следующие квалификации: «лингвист-международник» (для прикладной одногодичной программы «Перевод для международного бизнеса и дипломатии») с образовательным результатом «Осуществление анализа международных документов, перевода дипломатического дискурса, медиации в международных переговорах, разработке межкультурных образовательных программ», «лингвист-медиатор» с образовательным результатом «Осуществление посреднической деятельности в разрешении конфликтов, проведении переговоров, обеспечении понимания между участниками диалога из разных культурных и языковых сред» а также «лингвист-исследователь» (для двухгодичной программы «Экспериментальная лингвистика и искусственный интеллект») для «Решения исследовательских задач в области цифровой, когнитивной, нейро- и психолингвистики».

Еще одним важным этапом составления самостоятельно устанавливаемого образовательного стандарта стали формулировка компетенций и их индикаторов.

При составлении СУОСов по первым пилотным программам в БФУ уже были сформулированы универсальные компетенции. Было решено оставить одну общую универсальную компетенцию, в которой сгенерированы ключевые аспекты универсальных компетенций, прописанных во ФГОСе (умение мыслить критически, ставить цели и вырабатывать стратегии по их достижению, следовать традиционным российским духовно-нравственным ценностям и т.д.), а ее детальное описание дать в индикаторах.

Также поступили и с универсальными компетенциями по программам специализированного высшего образования программ магистратуры, оставив одну общую компетенцию, в которой акцент делается на способность выпускника формировать и изменять согласно обстоятельствам собственный жизнен-

но-образовательный маршрут, принимая во внимание стратегии национального развития, а также приоритеты собственной деятельности.

При разработке СУОСа по лингвистике пришлось формулировать общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Формулировки общепрофессиональных компетенций как для уровня базового высшего образования, так и для специализированного высшего образования программ магистратуры были созданы на основе ФГОСа.

Важной составляющей была формулировка профессиональных компетенций переводчика, которая строилась от общего к частному. Так, первой наиболее важной для переводчика компетенцией является способность осуществлять пред-, интер- и постпереводческий анализ текста для точного восприятия исходного высказывания. Для этого надо уметь идентифицировать тип и функциональный стиль текста, определяет потенциальные переводческие проблемы и способы их решения, корректно осуществляет выбор стратегии, приемов и ресурсов, необходимых для создания текста перевода в соответствии с коммуникативными задачами, а также уметь реферировать, перефразировать, реструктурировать исходное сообщение в соответствии с задачами конкретного вида перевода.

Вторая профессиональная компетенция касается письменного перевода, а именно то, насколько выпускник способен осуществлять письменный перевод, верно определяя его цель, выбирая переводческие стратегии, соблюдая лексические, грамматические, синтаксические, стилистические нормы языка перевода. В индикаторы сформированности компетенции были включены такие аспекты как умение соотносить приемы и технологии перевода с особенностями переводимого текста, а также владение навыками редактирования текста с целью повышения качества перевода, с соблюдением правил оформления документов, применяя средства компьютерной обработки текстов.

Третья профессиональная компетенция ориентирована на устный перевод, а именно на способность осуществлять устный перевод, как последова-

тельный, так и синхронный, соблюдая грамматические, синтаксические, стилистические нормы. То есть устный последовательный и синхронный перевод должен осуществляться в соответствии с целью, задачами и нормами перевода. Важно также грамотно применять систему сокращенной переводческой записи при осуществлении устного последовательного перевода и использовать приемы и технологии устного перевода в зависимости от ситуации перевода.

Еще одна важная профессиональная компетенция для переводчика – это владение международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях перевода. Выпускник должен демонстрировать знание форм национального речевого этикета и профессионального кодекса переводчика, а также осуществлять профессиональную коммуникацию с учетом национальных и социокультурных особенностей.

Так как на уровне базового высшего образования была введена дополнительная квалификация – преподаватель, то в профессиональные компетенции были добавлены такие компетенции как способность разрабатывать и реализовывать инновационные эффективные методики преподавания иностранного языка, которые подразумевают глубокое понимание лингвистических принципов и методов обучения и способность применять их в профессиональной деятельности, а также создавать качественные учебные материалы и оценивать языковые компетенции учащихся.

Итак, при смене образовательной модели на уровне базового высшего образования стоит еще раз подчеркнуть появление квалификаций (вместо бакалавр – лингвист-переводчик, преподаватель). На счет увеличения срока обучения появляется возможность более углубленного изучения двух иностранных языков. Следуя идее собственного жизненно-образовательного маршрута, студентам предлагаются треки обучения на выбор. На уровне специализированного высшего образования программ магистратуры, вводятся квалификации (вместо магистр – лингвист-международник, лингвист-медиатор, лингвист-

исследователь). Меняется и количество лет обучения. Для прикладной магистратуры – год, для исследовательской – два.

Эксперимент по реализации пилотного проекта только начался. В полной мере оценить его успешность можно будет только через пять лет, хотя первые результаты можно будет уже увидеть в следующем году по окончании реализации годичной программы специализированного высшего образования.

Список литературы

1. Указ президента Российской Федерации от 12 мая 2023 года № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> [дата обращения: 22.05.2024].
2. Данилов А.Н., Кон Е.Л., Лобов Н.В., Матушкин Н.Н., Фрейман В.И., Южаков А.А. Практика разработки и применения самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов и программ высшего образования. *Высшее образование в России*. 2014;6:5–13.
3. Корнева И.Г. К вопросу о сущностно-содержательной характеристике понятия «способность к жизненному самоопределению студентов вуза». *Казанский лингвистический журнал*. 2021;4(2):271–286.
4. Бабенко О.В. Аудиовизуальный перевод как актуальное направление подготовки переводчиков. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(3):289–299.
5. Профессиональный стандарт 1438 «Специалист в области перевода» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382769/6121fcbcf67a348caf32cf9450feb3776733eb9e [дата обращения: 25.05.2024].
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> [дата обращения: 28.05.2024].
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-04-02-lingvistika-992/> [дата обращения: 28.05.2024].
8. Профессиональный стандарт 01 «Образование и наука» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219892/8fba8d7eed9f70829d6f9c0d2d84333d5356c819/ [дата обращения: 30.05.2024].

References

1. Decree of the President of Russian Federation No. 343 of 12 May 2023 ‘On Some Issues of Improving the System of Higher Education’. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> [accessed 22.05.2024]. (In Russ.)
2. Danilov A.N., Kon E.L., Lobov N.V., Matushkin N.N., Freiman V.I., Yuzhakov A.A. Practice of development and application of self-determined educational standards and programmes of higher education. *Vyshee obrazovaniye v Rossii*. 2014;6:5–13. (In Russ.)
3. Korneva I.G. Essential and Descriptive Characteristic of the Concept “Ability for Life Self-determination of University Students” *Kazan linguistic journal*. 2021;4(2):271–286. (In Russ.)
4. Babenko O.V. Audiovisual translation as relevant issue of translators’ preparation. *Kazan linguistic journal*. 2020;3(3):289–299.

5. Professional Standard 1438 'Translation Specialist' Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382769/6121fcbcf67a348caf32cf9450feb3776733eb9e [accessed 25.05.2024]. (In Russ.)
6. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's degree in the field of 45.03.02 Linguistics, Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969/> [accessed 28.05.2024]. (In Russ.)
7. Federal State Educational Standard of Higher Education – Master's Degree in the field of 45.04.02 Linguistics, Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-04-02-lingvistika-992> [accessed 28.05.2024]. (In Russ.)
8. Professional Standard 01 'Education and Science'. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219892/8fba8d7eed9f70829d6f9c0d2d84333d5356c819/ [accessed 30.05.2024]. (In Russ.)

Автор публикации

Фонова Евгения Геннадьевна –
доцент

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

Email: eugeniefonova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>

Author of the publication

Fonova Evgeniia Gennadievna –
associate professor

Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

Email: eugeniefonova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9392-7347>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of
interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7.11.2024

Одобрена после рецензирования: 15.11.2024

Принята к публикации: 2.12.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.

Article info

Submitted: 7.11.2024

Approved after peer reviewing: 15.11.2024

Accepted for publication: 2.12.2024

The author has read and approved the final
manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит
анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в
рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anony-
mous reviewer(s) for their contribution to the
peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья
УДК 82.09

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.447-457>

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ БРИТАНСКАЯ ПРОЗА: РОМАН А. ГУРНЫ «УХОД»

Л.Н. Юзмухаметова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия

land_yz@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

Аннотация. Статья посвящена творчеству Нобелевского лауреата по литературе – британского постколониального писателя с танзанийскими корнями А. Гурны. Цель работы – анализ его романа «Уход» (не переведенный на русский язык) в контексте постколониального дискурса, при этом внимание будет сосредоточено на проблемно-тематической его стороне. Как известно, в 1970-80 годы в результате распада колониального мира и влияния постструктуралистской философии возникает постколониальная теория. Сегодня в мире данная теория является одной из ведущих в изучении современной литературы. Методами анализа текста А. Гурны нами выбраны культурно-исторический, психоаналитический и структурный. Расизм, права женщин, проблемы образования на африканском континенте, эмиграция становятся ключевыми смыслообразующими темами анализируемого романа. Эти проблемы переплетаются с темами духовного поиска, любви между мужчиной и женщиной, добра и зла, которые осмысливаются с точки зрения общечеловеческих ценностей. В тексте есть осмысление таких морально-этических категорий, как стыд и вина, грань между запретным и дозволенным. Обращаясь к тематическому разнообразию, автор исследует такие феномены как травма и пути ее преодоления через проговаривание или молчание. Произведение характеризуется многоголосьем, сложной фокализацией.

Ключевые слова: А. Гурна; постколониальный британский роман; травма; фокализация; эмиграция; расизм; права женщин

Для цитирования: Юзмухаметова Л.Н. Постколониальная британская проза: роман А. Гурны «Уход». *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 447–457. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.447-457>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.447-457>

POSTCOLONIAL BRITISH PROSE: A. GURNAH'S NOVEL "DESERTION"

L.N. Yuzmukhametova

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
land_yz@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

Abstract. The article is devoted to the work of the Nobel laureate in literature – the British post-colonial writer with Tanzanian roots A. Gurnah. The purpose of the work is to analyze his novel "Desertion" (untranslated into Russian) in the context of postcolonial discourse, paying special attention to the poetics of the text. It is known, in 1970-80s, as a result of the collapse of the colonial world and the influence of post-structuralist philosophy, a post-colonial theory arises. Today in the world this theory is one of the leading in the study of modern literature. We have chosen cultural-historical, psychoanalytic and structural methods for analyzing the text of A. Gurnah. Rac-

ism, women's rights, education problems on the African continent, emigration become key meaning-forming topics of the analyzed novel. These problems are intertwined with the theme of spiritual search, love between a man and a woman, good and evil, universal values are put in the center of the corner. The text contains an understanding of such moral and ethical categories as shame and guilt, the line between the forbidden and the permissible. Addressing thematic diversity, the author explores phenomena such as trauma and ways to overcome it through pronunciation or silence. The work is characterized by many voices, complex focalization.

Keywords: A. Gurnah; postcolonial British novel; trauma; focalization; emigration; racism; women's rights

For citation: Yuzmukhametova L.N. Postcolonial British prose: A. Gurnah's novel "Desertion". *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 447–457. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.447-457>

Абдулразак Гурна – один из самых заметных представителей мультикультурной британской прозы, который в 2021 году получил Нобелевскую премию за «бескомпромиссное и сострадательное исследование последствий колониализма и судьбы беженца в пропасти между культурами и континентами». Литература, написанная англоязычными иммигрантами Британии, в современной литературоведческой науке обсуждается активно. Ей принадлежит ряд интересных характеристик, отличающих ее от современной английской литературы, написанной коренными жителями, которая в свою очередь имеет богатую историю изучения в отечественной науке [1].

В 1970-80 годы в результате распада колониального мира и влияния постструктуралистской философии возникает постколониальная теория. Сегодня в мире эта теория является одной из ведущих в изучении современной литературы. Основными представителями современного постколониального дискурса являются Э.Саид [2], Г.Спивак [3], Х.Бхабха [4]. В отечественном литературоведении в связи с этой темой необходимо упомянуть докторскую диссертацию О.Г. Сидоровой [5].

Исследователи творчества А. Гурны отмечают, что «его творчество характеризуется двусмысленностью, несколькими точками зрения на одни и те же события, сложной фокализацией, саморефлексирующей иронией и нарративным юмором» [6] (*Перевод здесь и далее - наш*).

Одним из достойных внимания текстов А. Гурны, не переведенных на русский язык, является его роман «Уход» («Desertion»). Актуальность нашего анализа обуславливается тем, что в отечественном литературоведении данный роман не изучен, тем временем тема, проблематика и поэтика текста показательны в аспекте особенностей функционирования данного типа дискурса в современном литературном процессе.

Действия в романе происходят в 1899-1963-ые годы в Африке и Англии. В центре повествования – тема межрасовых любовных связей между колонизаторами и колонизированными. Такие отношения имели место быть за долгие годы колониального господства на африканской земле, они осуждались обществом с обеих сторон, а дети, рожденные в таких отношениях, считались бастардами.

Главная героиня произведения – дочь индийского мужчины и африканской женщины Риана Закария. Она живет в маленьком кенийском городе Малинди со своим братом Хассанли – торговцем в магазине, и его женой Маликой. Хасанали по совместительству смотрит за местной мечетью и произносит там азан – призыв к мусульманской молитве. Однажды рано утром, когда мужчина направляется в мечеть для утренней молитвы, видит на дороге тяжело раненого белого мужчину, ученого ориенталиста, которого ограбили и бросили сомалийские экскурсоводы – Мартина Пирса, к нему очень скоро подбегают много людей, однако домой его взять осмеливается только сам Хассанали. Дома его выхаживают, но вскоре колонизаторское правительство узнает о случившемся и забирает его в свой офис. Потом Мартин приходит проводить своих спасателей еще несколько раз и влюбляется в Риану. Риана к тому времени была уже замужем, ее муж Азад – индийский торговец – вскоре после свадьбы уезжает домой и больше уже не возвращается. Мартин является лучиком надежды для Рианы, она, не боясь осуждения, становится его любовницей, рождает ему дочь. Однако и Мартин вскоре уезжает на родину – в Англию и не

возвращается. Риана, несмотря на то, что находит утешение еще в одном белом мужчине – инженере из водоканала, превращается в алкоголичку.

Сложный многослойный опыт героев романа раскрывается через полифонию голосов: некоторые главы озаглавлены именами персонажей, от их же имени в них идет повествование. Одной из характеристик романа является сложная фокализация (термин французского структуралиста Ж. Женнет). Роман начинается с рассказа всеведущего нарратора (так называемая нулевая фокализация), но, когда описываются отношения Мартина и Рианы, неожиданно появляется глава «Прерывание» («Interruption»), в которой повествование ведется от 1-го лица – Рашида, с этого момента он становится основным повествователем (реализация внутренней и внешней фокализации). Также в романе есть глава, где слово дается Амину – брату Рашида, одному из главных героев всего романа (внешняя фокализация). Два брата – Рашид и Амин, которые в тексте вырастают во взрослых мужчин – сыновья учителей Фейзала и его жены Нуру, у которых еще есть старшая дочь Фарида. Амин, отличавшийся своим умом и воспитанием, влюбляется в Джамилу – внучку Рианы. Родители Амина протестуют против этого союза, поскольку ни биография бабушки девушки, ни ее самой (она разведенная, и ходят слухи, что она – любовница женатого политика) семье Амина не нравятся. По родительскому настоянию Амин расстается с любимой, однако уже больше ни на ком не женится, а вскоре слепнет и с нетерпением начинает ждать свою смерть. Рашид, который увлекался поэзией, уезжает учиться в Лондон на литератора, строит там научную карьеру и находит среди своих английских знакомых потомков Мартина Пирса. Рашид – один из повествователей в романе, и именно он озвучивает базовую концепцию всего романа и, пожалуй, всего творчества А. Гурны: «Это о нас всех, о Фариде и Амине и наших родителях, и о Джамиле. Речь идет о том, как одна история содержит много других и как они принадлежат не нам, а являются частью случайных стечений обстоятельств нашего времени? И о том, как истории захватывают нас и запутывают на все времена» [7, с. 120].

Белый колонизатор и черный колонизированный африканец – это противоборство является центральным мотивом текста. Высокомерие колонизаторов, их уничижительное отношение к угнетенным заявляет о себе в диалогах мистера Бертон с Фредериком и Мартином Пирсом. Англичанин Мистер Бертон, менеджер недвижимости в Бондени, приходит провести соотечественника в офис колонизаторского правительства, куда переместили Мартина из дома Хасанали. Исследователи романа отмечают, что Бертон имеет реального прототипа – Ричарда Бертон – британского исследователя, военного, который принимал участие в экспедиции по Нилу в 1856 году. Результатом его работы стала опубликованная книга «Занзибар. Город, остров, побережье», в которой разные аспекты культуры острова изображаются в расистском духе [8, 58]. В романе в диалоге с Фредериком – англичанином, колониальным администратором, Бертон признается, что они научили африканцев играть в крикет только ради комедии, потому что те – звери и дикари, и на серьезные успехи в этой игре не способны. Из уст повествователя также звучат откровения о реальной внутренней натуре Бертон: «Бертон не хотел союзников, вполне уверен, что будущее британских владений в Африке было постепенное сокращение и исчезновение африканского населения? И его замена европейскими поселенцами» [7, с. 82]. Примечательно в тексте описание высокомерного характера англичан, которые будучи колонизаторами на чужой земле устанавливали свои правила, только себя считали правыми и за каждую незначительную оплошность наказывали африканцев: «самые честные, самые справедливые, самые эффективные правители с рассвета времен» [7, с. 82]. Фредерик, описывая прекрасный остров Сейшелы, затрагивает тему рабства и его влияния на менталитет народа, герой утверждает, что многолетнее рабство уничтожило в людях навык ответственного труда, даже за деньги: «что проходит для работы в этом городе – это сидеть под деревом и ждать, когда созреет манго» [7, с. 45]. Учителей-англичан раздражает интерес Рашида к итальянскому языку, увлечение литературой и культурой, а когда он начинает писать стихи на английском, учитель литературы и

вовсе выходит из себя: «запутанно и бессмысленно, как и все попытки африканцев написать что-то вызывающее чувства на английском языке» [7, с. 147].

Психологизм в романе тонко передается через рассказ о судьбе Рианы – девушки, рожденной от индийца и африканки и из-за этого уже с рождения обреченной на косые взгляды местного населения. Она переживает в своей жизни уход обоих своих любимых мужчин. Уход Азада сделал ее упрямой, менее чувствительной и более безразличной к чужому мнению. Уход Мартина, по мнению рассказывающего эту историю Рашида, был предсказуемым, ведь ничто иное нельзя было ожидать от ученого, представителя колонизаторской элиты, который связался с сестрой торговца в маленьком африканском городе [7, с. 117]. Трагедия ее жизни людьми, однако, не воспринимается адекватно, и даже ее потомки, например, внучка Джамиля считается внучкой бастарда и любовницы белого мужчины. Таким образом, несчастья преследуют эту семью не одно поколение и череда разбитых судеб из-за любовной связи между колонизатором и колонизированной имеет продолжение в их потомках. Исследователи романа отмечают, что на пути преодоления культурных барьеров Риана и Мартин становятся жертвами политики исключения. Эта политика ухудшает положение женщин и, как результат, они страдают больше от ее негативных последствий [9, 153]. Но здесь скрыт и глобальный подход Гурны к затрагиваемой проблеме. Автор романа будто входит в полемику с теми, кто считает колонизацию – вполне допустимой ситуацией, а рожденных от колонизатора и колонизированной детей – возможностью установить межкультурный диалог между неравными мирами. Писатель не только опровергает возможность такого диалога, он акцентирует внимание на том, что такая связь становится причиной несчастья, сохраняясь на уровне исторической памяти. Он акцентирует внимание на том, что эти два мира могут уживаться, existing параллельно, не пересекаясь. Пересечения же несут психологическую травму.

Как и в других романах, Гурна обращается к положительным моментам такого параллельного существования. Скажем, в тексте серьезно заявляет о се-

бе тема доступности образования для африканцев. С одной стороны, в романе проскальзывает мысль о том, что африканцы сначала боялись школ колонизаторов, которые могли превратить их детей в кяфира – неверного, что повлекло за собой целые поколения неграмотных людей. Однако позже проблема приобрела другую форму: на африканской земле стало катастрофически не хватать школ, особенно для девочек. Таким образом, в романе появляется феминистская тема. Фарида не смогла продолжить свое обучение после начальной школы по причине нехватки школ для девочек. Это становится трагедией для девушки, которая не хотела «оставаться дома, ничего не делая», а хотела «что-то делать для себя» [7, с. 140]. С изменением психологии женщины под воздействием внешних причин, растет необходимость в дополнительных культурных и образовательных возможностях. В этом плане колонизаторы могут помочь «третьим» странам.

Сами колонизации, в силу традиций, не могут себе позволить культурного и образовательного скачка. Пренебрежительное отношение к женщине, например, упоминается в описании отношения людей к учительнице Нуру, к которой нет такого же уважения, как к Фейзалу, потому что она – женщина. Еще одним достойным внимания примером является обеспокоенность Хассанали перспективой личной жизни Рианы, потому что ей уже 22 года и она – бастард. То есть женщина в колонизированной Африке вынуждена проходить разностороннюю дискриминацию, в том числе и по возрасту.

В романе автор обращается к теории травмы, столь популярной в современном научном мире. Как известно, в науке о травме проговаривание по Д. Ла Капре является одним из элементов работы с травмой [10, с. 21; с. 36]. Эта концепция в романе в первую очередь реализуется в письмах героев друг другу, где для них открывается возможность говорить о самых глубинных переживаниях, через них читатель узнает многое о деталях, причинах описываемых событий, они же обеспечивают структурное многоголосье в тексте. Например, это письма Рашида и Амина другу, Фарида – своему бойфренду Аб-

басу, отца Рашида – своему сыну в Англию. На это обращают внимание исследователи романа по всему миру [11, с. 104]. Также через проговаривание в тексте реализуется повествование об истории семьи Рашида, покинувшей родину в поисках счастья. Он же, на протяжении многих лет своими постоянными рассказами о прошлом и не давая шанс даже открыть рот своей супруге Грейс, в итоге становится виновником их развода. Однако эту травматическую историю Рашид предпочитает замалчивать: «это одна история, которую я планирую оставить в покое» [7, с. 228]. Таким образом, в тексте заявляет о себе следующий феномен, связанный с теорией травмы: попытка спрятаться от травмы-боли или стыда через молчание. Это явление в романе оказывает влияние на судьбы разных героев. Например, в образе Амина, который после всех своих травм темноту и молчание начинает считать счастьем. Он заточает себя в печальное молчание, тем самым спасается от своей любовной травмы. Когда Нуру (мать Амина) обвиняет Джамилю в соращении своего сына, Амин молчит, что по тексту является признаком стыда. В более глобальном масштабе Рашид, став ученым, замечает, что почему-то про межрасовые любовные истории на африканской земле все эти годы не писали ничего, умалчивали. Мартин за всю жизнь не рассказывает о своих отношениях с Рианой своей новой английской семье, тем самым замалчивая свой побег, стыд. Джамия тоже молчит о противоречивой истории своей семьи. Исследователи обращают внимание на молчание, которое зарождается между Рианой и Хасанали, ведь именно Хасанали выдал Риану замуж за Азада, обольстившись его статусом индийского торговца: «Молчание Рианы через ее жест презрения является признаком агонии, которую она связывает с присутствием Хассанали, на которого, в свою очередь, молча влияет его вина, поскольку он «сделал свои глаза водой», потому что он не может обратить вспять травму, в которой все они живут. Молчание как «виновная радость, на которую другие будут хмуриться», как это определено Фергюсоном (2010), становится очевидным в отношениях между Рианой и Хасанали» [11, с. 42]. В этом примере молчание также воспринимается знаком

признания своей вины. Этот мотив – мотив признания вины – может быть перенесен в историю колонизации в целом.

Таким образом, в романе на примере любовных отношений между колонизаторами и колонизированными, завоевателями и покорившимися показываются трагические последствия колониальной политики. Высокомерное отношение колонизаторов к угнетенным народам, политика исключения в первую очередь и наиболее жестко затронула самую уязвимую часть общества – женщину. Тема образования, и особенно женского – еще одна важная тема романа. А тексте она утверждается как самая главная ценность, которая имеет спасительную силу. Тема травмы, через которую прошли колонизированные народы, молчание и проговаривание как способ преодоления его становятся главными смыслообразующими компонентами текста. Сложное повествование, фокализация – от имени всезнающего повествователя, а затем – от имени героев (Рашида и Амина) служат автору для репрезентации сложной многогранной проблемы, которую затрагивает в своем романе А. Гурна. В отличие от предыдущих романов, это произведение писателя отличается глобальностью осмысления проблемы колонизации, когда и сами колонизаторы, и колонизированные не могут чувствовать себя счастливыми: преступное действие, совершенное давно, укоренилось в исторической памяти, и влияет на людей, на их мышление и сознание, являясь преградой к осуществлению межкультурного диалога. Появляется ощущение, что Гурна говорит о необходимости мирного параллельного существования, не затрагивая личные, психологические, этнические сферы, и попытках помочь колонизированным странам только в социально-экономическом плане. А свой путь африканская культура должна выбирать сама.

Список литературы

1. Шустова Э.В. Читательские отклики на произведения Дж. Р. Р. Толкина в России на рубеже XX–XXI вв.: опыт анализа с позиции рецептивной эстетики. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):487–497. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.487-497>
2. Said E. *Orientalism*. N.Y.; 1978. 368 p.
3. Spivak G. Ch. *In Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. N.Y.; 1987. 336 p.

4. Bhabha H. *The Location of Culture*. L. N. Y. ; 1994. 285 p.
5. Сидорова О. Г. *Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании*. Дис... д-р филол. наук. Москва. 2005. 333 с.
6. Ünal A. Plunderers of the human spirit: A criticism of Abdulrazak Gurnah's *Gravel Heart* in terms of literary trauma theory. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2022; (29):861–876. DOI: 10.29000/rumelide.1164902.
7. Gurnah A. *Desertion*. London: Bloomsbury; 2005. 262 p.
8. Falk E. *Subject and History in Selected Works by Abdulrazak Gurnah, Yvonne Vera, and David Dabydeen*. Phd thesis. Sweden: Karlstad university; 2007. 173 p.
9. Ajulu-Okungu A.A. *Reading Abdulrazak Gurnah: Narrating Power and Human Relationships*. Phd. Dissertation, Faculty of Humanities, University of Witwatersrand, Johannesburg; 2016. 176 p.
10. LaCapra D. *Trauma, Absence, Loss*. *Critical Inquiry*. 1999;25(4):696–727.
11. Omwenga A.O. *Silence as a strategy for trauma enunciation in selected fiction of Abdulrazak Gurnah: paradise (1994) and desertion (2005)*. PhD thesis. Nairobi: Kenyatta university; 2017. 117 p.

References

1. Shustova E.V. Readers' Responses to the Works of J.R.R. Tolkien in Russia at the Turn of XX–XXI Centuries through a Perspective of Aesthetics of Reception. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):487–497. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.487-497>
2. Said E. *Orientalism*. N.Y.;1978. 368 p.
3. Spivak G. Ch. *In Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. N.Y.; 1987. 336 p.
4. Bhabha H. *The Location of Culture*. L. N. Y. ; 1994. 285 p.
5. Sidorova O.G. *British postcolonial literature of the last third of the XX century in the context of literature of Great Britain*. D-r. philol. sci. diss. Moscow; 2005. 333 p. (in Russ)
6. Ünal A. Plunderers of the human spirit: A criticism of Abdulrazak Gurnah's *Gravel Heart* in terms of literary trauma theory. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2022;(29):861–876. DOI: 10.29000/rumelide.1164902.
7. Gurnah A. *Desertion*. London: Bloomsbury; 2005. 262 p.
8. Falk E. *Subject and History in Selected Works by Abdulrazak Gurnah, Yvonne Vera, and David Dabydeen*. Phd thesis. Sweden: Karlstad university; 2007. 173 p.
9. Ajulu-Okungu A.A. *Reading Abdulrazak Gurnah: Narrating Power and Human Relationships*. Phd. Dissertation, Faculty of Humanities, University of Witwatersrand, Johannesburg; 2016. 176 p.
10. LaCapra D. *Trauma, Absence, Loss*. *Critical Inquiry*. 1999;25(4):696–727.
11. Omwenga A.O. *Silence as a strategy for trauma enunciation in selected fiction of Abdulrazak Gurnah: paradise (1994) and desertion (2005)*. PhD thesis. Nairobi: Kenyatta university; 2017. 117 p.

Автор публикации

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна –
Доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: land_yz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024

Author of the publication

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna –
Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: land_yz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.08.2024

Одобрена после рецензирования: 8.09.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Approved after peer reviewing: 8.09.2024

Accepted for publication: 30.09.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 811.512.161

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.458-468>

ПРОБЛЕМАТИКА КАТЕГОРИЙ АФФИКСА СКАЗУЕМОСТИ И ЛИЧНОГО АФФИКСА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.Е. Подлесная

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
jpodlesnaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Аннотация. В статье исследуются категории аффикса сказуемости и личного аффикса в турецком языке. На взгляд автора, распространенные в русскоязычной тюркологии трактовки расходятся с актуальной практикой и создают для русскоязычных студентов фундаментальные трудности в процессе обучения. Цели предпринятого исследования: проанализировать классические русские и турецкие издания по грамматике; на основе морфемного, семантического и синтаксического методов анализа выявить проблемные аспекты; исследовать последние тренды турецкой лингвистики в данной теме; предложить для обсуждения вариант трактовки; В результате удалось выяснить, что не до конца корректные определение и разграничение категорий аффикса сказуемости и личного аффикса русскоязычными тюркологами берет свое начало в классической турецкой лингвистической литературе, что, очевидно, связано с ускоренной трансформацией языка от османского к литературному турецкому. На данный момент среди турецких лингвистов появились сторонники трактовок, точнее отражающих реальное состояние. На взгляд автора, оказалось возможно четко разграничить и определить категории аффикса сказуемости и личного аффикса, а также описать логику их встраивания в общую концепцию грамматики турецкого языка.

Ключевые слова: турецкий язык; аффикс сказуемости; личный аффикс; недостаточный глагол; глагол-связка; копула

Для цитирования: Подлесная Ю. Е. Проблематика категорий аффикса сказуемости и личного аффикса в турецком языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 458–468.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.458-468>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.458-468>

PROBLEMATICS OF THE CATEGORIES OF THE PREDICATE AFFIX AND THE PERSONAL AFFIX IN THE TURKISH LANGUAGE.

Y. E. Podlesnaya

Military Academy of Republic of Belarus, Minsk, Belarus
jpodlesnaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Abstract. In the article are being explored categories of predicate affix and personal affix in the Turkish language. In the author's opinion, the interpretations common in Russian-speaking Turkology do not correspond to current practice and create fundamental difficulties for Russian-speaking students in the learning process. The purposes of the study undertaken are: to analyze classical Russian and Turkish grammar books; based on morphemic, semantic and syntactic methods of analysis, to identify problematic aspects; to explore the latest trends in Turkish linguistics in this topic; to propose an interpretation option for discussion.

As a result, it managed to find out that the incompletely correct definition and delimitation of the categories of predicate affix and personal affix by Russian-speaking Turkologists originates in classical Turkish linguistic literature and is obviously associated with the accelerated transformation of the language from Ottoman to literary Turkish. At the moment, among Turkish linguists there are supporters of interpretations that more accurately reflect the current state. In the author's opinion, it turned out to be possible to clearly differentiate and define the categories of predicate affix and personal affix, as well as describe the logic of their integration into the general concept of Turkish grammar.

Keywords: Turkish language; predicate affix; personal affix; defective verb; copula

For citation: Podlesnaya Y.E. Problematics of the Categories of the Predicate Affix and the Personal Affix in the Turkish Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 458–468. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.458-468>

В турецком языке основную грамматическую нагрузку несут т. н. *аффиксы* – морфемы, которые соответствуют русским понятиям «суффикс» и «флексия». Аффиксы образуют времена, залоги, части речи, грамматические конструкции и др.

Через аффиксы происходит построение турецких предложений. Если в русском для создания законченного именного предложения достаточно связного словосочетания, то в турецком необходимы аффиксы, которые сообщают нам, что слово стало сказуемым, и согласуют его с подлежащим. То есть, в турецком языке для именных предложений роль *глагола-связки* выполняет аффикс. Этот аффикс в русскоязычной тюркологии получил название *аффикса сказуемости*. Однако, в трактовке данной темы, на наш взгляд, образовалось некоторое недоразумение.

В трактовке П. Кузнецова: «Именное, как и глагольное сказуемое, согласуется с подлежащим в лице и числе. Согласование подлежащего со сказуемым осуществляется посредством *личных аффиксов* (*kişi eki*), **иначе – аффиксов сказуемости** (*yüklem eki*), присоединяемых к сказуемому. Личных аффиксов шесть. Аффикс сказуемости 3-го лица: *-dır, -dir, -dur, -dür*. При переводе на русский язык аффикс 3-го лица обычно оставляется без формального перевода, а иногда переводится глаголом-связкой *есть* (в смысле, *является* или *представляет собою*)» [1, с. 48]. Далее, снова упоминается, что аффиксы сказуемости настоящего времени и личный – это одно и то же [1, с. 70, 95].

В теме аффикса сказуемости прошедшего времени у Кузнецова появляется глагол *imek*: «Недостаточный глагол *i(mek)* ‘быть’, употребляемый только как вспомогательный (т. е. лишь в сочетании с именной частью сказуемого), имеет форму прошедшего времени: *idim (i-di-m)*, *idin*, *idi*, *idik*, *idiniz*, *idiler*..В современном языке энклитика *idi* превращается в безударный аффикс (аффикс сказуемости прошедшего времени), имеющий 12 фонетических вариантов: $-(y)di^4 / -(y)ti^4$ » [1, с. 184]. В другом месте аффикс *-di* трактуется как аффикс прошедшего времени [1, с. 159]. То есть, видим, что происходит смешение понятий *аффикса сказуемости*, *личного аффикса* и *аффикса времени*.

В совместном издании П. Кузнецова и Ю. Щеки приводится пояснение, что «Именное сказуемое может оформляться аффиксом сказуемости, соответствующим русской связке *есть*» [2, с. 36]. Авторы приводят форму аффиксов сказуемости, они же личные аффиксы: $-dir^8$, $-dirlar^8$ для 3-го лица [2, с. 36, 56] и $-im^4$, $-sin^4$, $-iz^4$, $-siniz^4$ для 1-го и 2-го лиц [2, с. 74]. Далее авторы повторяют содержание предыдущего издания, разделяя аффиксы времени и личные для глагольных сказуемых, и приводя уже другие формы личных аффиксов [2, с. 92, 128, 228, 279]; и не разделяя аффиксы времени, сказуемости и личный для именных сказуемых, но упоминая глагол *imek* [2, с. 152]. В теме времени на *-mıstır* аффикс $-dir$ уже трактуется как аффикс модальности [2, с. 282].

В «Интенсивном курсе» Ю. Щеки приводится пояснение: «Аффикс сказуемости 3-го лица соответствует в русском языке связке *есть*, является именного сказуемого» [3, с. 18]. Щека приводит его форму для 3-го лица, ед.ч. как $-dir^4 / -tir^4$. Но упоминает, что этот аффикс может опускаться, и часто его добавление служит целям модальности [3, с. 20]. В отдельном параграфе Щека рассматривает $-dir$ как аффикс модальности для глагольных сказуемых [3, с. 168]. Далее, он приводит личные аффиксы 1-й группы, и говорит, что именно они употребляются как аффиксы сказуемости для 1-го и 2-го лица [3, с. 51].

В теме аффикса сказуемости прошедшего времени Щека говорит о том, что он совпадает с аффиксом прошедшего категорического времени $-di^4 / -ti^4$ и

образуется от глагола *imek* [3, с. 90]. «К аффиксу сказуемости прошедшего категорического времени присоединяются личные аффиксы 2-й группы: *ban hastaydim* или *ben hasta idim* ‘я был болен’» [3, с. 91]. Здесь Щека чётко разделяет аффикс сказуемости и аффикс личный. В темах субъективного времени и условного наклонения сохраняется та же произвольность [3, с. 147–148].

В «Справочнике по грамматике» Е. Кайтукова сначала излагает общепринятую концепцию совпадения аффикса сказуемости и личного аффикса: «Имена...могут в предложении выполнять функцию именного сказуемого, при этом согласуясь с подлежащим в лице и числе при помощи специальных *аффиксов сказуемости (личных аффиксов)*» [4, с. 61, 70]. Но далее она указывает, что для именного сказуемого в прошедшем времени «...к основе имени присоединяется *аффикс сказуемости прошедшего времени*, восходящий к вспомогательному глаголу *imek* ‘быть’ (форма в прошедшем времени – *idi*) и имеющий 12 фонетических вариантов *-di/...*, к которым затем присоединяется нужный *личный аффикс второй группы*» [4, с. 91]. Таким образом, четко разделяет понятия *аффиксов сказуемости* и *личного*.

В «Самоучителе» Е. Кайтукова излагает материал уже принципиально иным образом: «В турецком языке сказуемое всегда согласуется с подлежащим с помощью специальных суффиксов – *суффиксов сказуемости*» [5, с. 11]. Для глагольных сказуемых, как и для именных, она также предлагает категорию *суффикса сказуемости* [5, с. 13, 33, 37, 65, 186]. Таким образом, понятие *личный аффикс* Кайтукова вообще не использует, и глагол *imek* не упоминает.

Э. Гениш указывает: «В турецком языке роль вспомогательного глагола в составе именных сказуемых выполняет недостаточный глагол *imek*, также называемый *именным глаголом* или *глаголом-аффиксом* (*ek-fiil, isim fiil, ek eylem*)...В дальнейшем для выражения аффиксальных форм недостаточного глагола *imek*, образующих именное сказуемое, мы будем использовать термин *аффикс сказуемости*...Недостаточный...глагол привносит в значение имени, к которому присоединяется, значения *быть, находиться в состоянии*.

Глагол *itek* выполняет две функции: 1. является вспомогательным для образования именного сказуемого. 2. из простых временных форм глаголов образует сложные времена.

В настоящее время существует только четыре времени этого вспомогательного глагола, иными словами, именные сказуемые могут выражать 4 времени: 1. Настоящее-будущее время; 2. Прошедшее категорическое время; 3. Прошедшее субъективное время; 4. Условно-желательное наклонение» [6, с. 142].

Однако, в качестве аффиксов сказуемости настоящего времени Э. Гениш приводит уже знакомые нам личные аффиксы, которые осуществляют согласование подлежащего и сказуемого в лице и числе [6, с. 143]. В целом, Э. Гениш даёт намного больше информации по аффиксам сказуемости и глаголу *itek*, чем другие авторы. Однако, и у него сохраняется пересечение двух понятий.

Итак, после прочтения основных русскоязычных учебных пособий, возникает ряд вопросов. Первый касается популярного в нашей литературе утверждения, что личный аффикс и аффикс сказуемости – это одно и то же. Тогда *зачем* же нужно было вводить два отдельных понятия? Значит, есть отличия? Если существуют эти два понятия, то *каковы именно их специфические функции*, а также *формы*?

Все авторы согласны, что для образования сказуемого из имён необходим именно глагол – вспомогательная связка *быть*. Функцию связки в турецком выполняет *недостаточный глагол itek (ek-fiil)*. Но *какие же именно аффиксы являются его формами*?

Обратимся сначала к классическим турецким источникам. Özkan M. описывает *itek* как главный вспомогательный глагол, выполняющий две функции: образование сложных времён и создание сказуемого из имён. В именных предложениях глагол *itek* принимает 4 временные формы: широкое время, категорическое прошедшее, субъективное и условное [8, с. 508].

В качестве форм *imek* в широком времени для именных предложений Özkan приводит личные аффиксы (*şahıs bildirme eki*) вместе с *–dır* [8, с. 509], а аффиксы времен и наклонений определяет отдельно как *şekil ve zaman ekleri* [8, с. 510]. Также Özkan выделяет три другие группы личных аффиксов *tip şahıs ekleri* [8, с. 512], которые описывают аффиксы, присоединяемые к глагольным сказуемым.

Ergin M. приводит описания, полностью аналогичные Özkan, в тех же терминах [9, с. 283, 286, 315, 317, 318, 319].

Таким образом можно сделать вывод, что путаница русскоязычной литературы в категориях аффикса сказуемости, личного аффикса, глагола-связки, глагола-аффикса берёт своё начало в турецкой лингвистической литературе. Турецкие авторы описывают две группы личных аффиксов: *şahıs bildirme eki* и *tip şahıs ekleri*. Видимо, одну из этих групп в нашей литературе и «назначили» на роль *аффикса сказуемости* – глагола-связки.

Для поиска альтернативной, более поздней информации обратимся к сайту *Türk Dil Kurumu* ‘Турецкое Лингвистическое Общество’ (далее, TDK). Там мы находим следующие понятия [10]:

şahıs eki – личный аффикс (*şahıs eki*)

zaman eki – аффикс, добавляемый после глаголов, придающий значение времени.

ek-fiil – глагол-аффикс, который позволяет использовать слова-имена в качестве сказуемых; недостаточный глагол.

koşaç – изъяснительный аффикс (*bildirme eki*)

Понятия *yüklem eki*, *şahıs bildirme eki* и *tip şahıs ekleri* в TDK отсутствуют. И TDK чётко разделяет личный аффикс *şahıs eki* от *ek-fiil*.

Учебник для изучения турецкого иностранцами *Hitit* в теме образования именных и глагольных сказуемых приводит только аффиксы времени (*zaman eki*) и личные аффиксы (*kişi eki*) [11, с. 21, 45, 48, 82]. Аффикс *–dır* и глагол *imek* не описаны в *Hitit* вообще [11, 12, 13]. Понятие *koşaç* ‘связка’ упоминается

только в наименовании *koşaç tümcesi* ‘именное предложение’ [11, с. 13, 14, 48, 85, 94; 12, с. 59].

Со ссылкой на TDK и статью доктора тюркологии Savran Н. [14] в турецкой Википедии в теме *koşaç* мы найдем следующий текст: «Связка, это аффикс **-dur** или слово **değil**, объединяющие в именных предложениях подлежащее и сказуемое, и придающее фразе значения вероятности, позитивности, негативности, постоянства или уверенности. В некоторых источниках в качестве связки упоминаются все глаголы-аффиксы. Связки в именных предложениях являются грамматическими элементами, соединяющими подлежащее и сказуемое, и придающие сказуемому состояние законченного предложения. В английском главная связка (копула) глагол *to be* применяется в образовании разных времён. Также в английском – в турецком аналогично – она обеспечивает применение в качестве сказуемых слов, не являющихся смысловыми глаголами, привязывая их к подлежащему:

I am taller than most people. Ben çoğu kişiden daha uzunum(dur). ‘Я (есть) выше, чем большинство людей’.

The birds were there. Kuşlar oradaydılar. ‘Там были птицы’» [15]

То есть, в качестве связки однозначно трактуется глагол *быть*, то есть *imek*, а аффиксы *-dur* и *-di* - являются его формами. Личные же аффиксы (*-um*, *-lar*) выполняют иные функции.

В параграфе глагола *imek* (*ek-fiil*) турецкая Википедия приводит следующий текст: «Глагол-аффикс (*ek-fiil*, *ek-eylem*, *sevher fiil*) – это аффикс, который в турецком языке добавляется к концу имён и превращает их в сказуемые. Этот аффикс произошёл от старотурецкого глагола *ér-*: *созреть*, *вырасти*, *стать завершённым* и со временем превратился в *i-mek*, а с таянием его корня со временем он остался в форме *(i)-di*, *(i)-miş*, *(i)-se* и *(i)-dir*, придавая фразе значения *находиться в той или иной ситуации*. Примерами эквивалентных глаголов из других языков являются английское *to be* и латинское *esse*» [16].

Таким образом, мы видим, что турецкая лингвистика существенно продвинулась по пути принятия глагола *imek* в качестве базовой *связки* – основного вспомогательного глагола, аналогичного английскому *to be* и русскому *быть*, то есть аффикса сказуемости в значениях *быть, являться, находиться в состоянии*. Личные же аффиксы трактуются однозначно как *şahıs/kişi ekleri*. Хотя по-прежнему встречаются разночтения. Исходя из этого, предлагаем следующую трактовку данных понятий [17, с. 32–33]:

Аффикс сказуемости – это аффикс, который присоединяется к *не-глаголу*, сообщая ему функцию сказуемого и превращая словосочетание в законченное предложение.

Функцию аффикса сказуемости выполняет *imek* ‘быть, находиться в состоянии’ – основной вспомогательный глагол турецкого языка (*ek-fiil* ‘глагол-аффикс’). В устаревшей форме может встречаться в отдельном написании *idi, imiş, ise, iken*. Но в современном турецком *imek* имеет форму аффиксов: ‘есть, является’ – нулевой; ‘был’ – *-dı⁴ /-ydi⁴ /-ti⁴*; ‘говорят, оказывается’ – *-mış⁴ /-ymiş⁴*; ‘если был бы’ – *-sa² /-ysa²*; ‘будучи’ – *-ken /-yken*;

Аффикс *-dır⁸* используется как аффикс модальности, привнося различную семантику, привязанную к контексту: уверенность, сомнение, догадку, надежду и т. п. [2, с. 282; 3, с. 168; 17, с. 202]. В этом качестве *-dır* может присоединяться после личного аффикса и к именным сказуемым, и к простым временам: *Hızlısındır!* ‘Вот это ты быстрый!’, *Sen bunu biliyorsundur*. ‘Надеюсь, ты же это знаешь!’

Тогда становится понятно, почему именные предложения в турецком бывают только 4-х видов: в широком, прошедших категорическом и субъективном временах, и условном наклонении.

Вторая функция *imek* – образование сложных времен. Также теперь ясно, почему у сложных времен только три группы: *hikaye* с *-dı*, *rivayet* с *-mış* и *şart* с *-sa*.

Личный аффикс – это аффикс, который согласовывает сказуемое с подлежащим в лице и числе, передавая значения *я, ты, он/она/оно, мы, вы, они*.

Присоединяется и к именным, и к глагольным сказуемым после аффикса сказуемости/времени/наклонения.

Основные выводы.

Аффикс сказуемости (yüklem eki) сообщает не-глаголам статус сказуемого. Эту функцию в турецком выполняет глагол *ilmek*, то есть он является *связкой (koşaç, korula)*. *İmek* имеет 4 формы: *–dır, –dı, –mış, –sa*. Поэтому в турецком только 4 вида именных предложений.

İmek образует группы сложных времен: *hikaye, rivayet, şart*.

Сейчас *–dır* применяется как аффикс модальности: и для именных, и для глагольных сказуемых.

Личные аффиксы (şahıs ekleri) не являются ни формами глагола *ilmek*, ни аффиксами сказуемости. Это аффиксы, которые согласовывают сказуемое с подлежащим в лице и числе.

По сути, в турецком нет разницы между именными и глагольными сказуемыми. Они образуются по единой формуле: к имени или корню глагола присоединяется *аффикс сказуемости/времени/наклонения*, затем *личный аффикс 1-й или 2-й группы*. За ними может следовать *аффикс модальности –dır*.

Доминирующая в русскоязычной тюркологии практика смешения понятий *аффикса сказуемости* и *личного аффикса* нуждается в пересмотре для выработки подходов, более соответствующих практике языка и облегчающих для студентов процесс обучения.

Список литературы

1. Кузнецов П. И. Учебник турецкого языка. В 2 ч. Ч.1. Начальный курс. М.: ИД «Муравей Гайд»; 2000.
2. Кузнецов П. И., Щека Ю.В. Учебник турецкого языка. Начальный курс. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Восточная книга; 2010.
3. Щека Ю. В. Интенсивный курс турецкого языка: Учебник. М.: Изд-во МГУ; 1996.
4. Кайтукова Е. Г. Турецкий язык. Справочник по грамматике. М.: Живой язык; 2007.
5. Кайтукова Е. Г. Турецкий язык. Самоучитель. 2-е изд., испр. М.: Живой язык; 2012.
6. Гениш Эйюп. Грамматика турецкого языка. Т.1. М.: Издательство ЛКИ; 2008.
7. Гениш Эйюп. Грамматика турецкого языка. Т. 2. М.: Издательство ЛКИ; 2008.

8. Özkan Mustafa Prof. Dr., Hatice Tören Doç. Dr., Osman Esin Dr. *Yüksek öğretimde Türk Dili Yazılı ve Sözlü Anlatım. Genişletilmiş 3 baskı.* İstanbul: Filiz kitabevi; 2013.
9. Muharrem Ergin, Prof.Dr. Türk Dil Bilgisi. *Edebiyat ve Eğitim Fakültelerinin Türk Dili ve Edebiyatı Bölümleri için.* İstanbul: Bayrak basımevi; 2011.
10. Türk Dil Kurumu. URL: <https://sozluk.gov.tr> [дата обращения 29.10.2024]
11. *Yeni Hitit 1. Temel. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2017.
12. *Yeni Hitit 2. Orta. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2008.
13. *Yeni Hitit 3. Yüksek. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2009.
14. Savran Hülya. Türk dilinde ‘-dir’ bildirme eki ve ‘-dir’ bildirme ekiyle yapılan belirsizlik kelimeler: *U.Ü. Fen-edebiyat fakültesi sosyal bilimler dergisi.* 2008.(1):163-188.
15. Koşaç. Vikipedi. URL: <https://tr.wikipedia.org/wiki/Koşaç> [дата обращения 29.10.2024]
16. Ek-fiil. Vikipedi. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Ek_fiil [дата обращения 29.10.2024]
17. Подлесная Ю., Палий Е. *Турецкий язык. Полный курс грамматики: справ. пособие.* Киев.: СкайХорс; 2020.

References

1. Kuznetsov P. I. *Textbook for Turkish Language. In 2 parts. Part. 1. The Beginner's Course.* Moscow: PH: Muravey Guide; 2000. (in Russ)
2. Kuznetsov P. I., Shcheka Y. V. *Textbook for Turkish Language. In 2 parts. Part. 1. The Beginner's Course. 5th edition.* Moscow: Eastern Book publ.; 2010. (in Russ)
3. Shcheka Y. V. *Intensive Course of the Turkish Language. Textbook.* Moscow: Moscow: MSU publ.; 1996. (in Russ)
4. Kaytukova E. G. *Turkish Language. Reference Book for Grammar.* Moscow: Jivoy yazyk publ.; 2007. (in Russ)
5. Kaytukova E. G. *Turkish Language. Self-instruction Book. 2d edition, corrected.* Moscow: Jivoy yazyk publ.; 2012. (in Russ)
6. Genish Eyup. *Grammar of the Turkish Language. Vol 1.* Moscow: LKI Publ.; 2008. (in Russ)
7. Genish Eyup. *Grammar of the Turkish Language. Vol 2.* Moscow: LKI Publ.; 2008. (in Russ)
8. Özkan Mustafa Prof. Dr., Hatice Tören Doç. Dr., Osman Esin Dr. *Yüksek öğretimde Türk Dili Yazılı ve Sözlü Anlatım. Genişletilmiş 3 baskı.* İstanbul: Filiz kitabevi; 2013. (in Turk)
9. Ergin Muharrem, Prof. Dr. Türk Dil Bilgisi. *Edebiyat ve Eğitim Fakültelerinin Türk Dili ve Edebiyatı Bölümleri için.* İstanbul: Bayrak basımevi; 2011. (in Turk)
10. Türk Dil Kurumu. Available from: <https://sozluk.gov.tr> [accessed: 29.10.2024) (in Turk)
11. *Yeni Hitit 1. Temel. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2017. (in Turk)
12. *Yeni Hitit 2. Orta. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2008. (in Turk)
13. *Yeni Hitit 3. Yüksek. Yabancılar İçin Türkçe. Ders Kitabı.* Editör Prof.Dr.N.Engin Uzun. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. TÖMER; 2009. (in Turk)
14. Savran Hülya. Türk dilinde ‘-dir’ bildirme eki ve ‘-dir’ bildirme ekiyle yapılan belirsizlik kelimeler: *U.Ü. Fen-edebiyat fakültesi sosyal bilimler dergisi.* 2008.(1):163-188. (in Turk)
15. Koşaç. Vikipedi. URL: <https://tr.wikipedia.org/wiki/Koşaç> [дата обращения 29.10.2024] (in Turk)

16. Ek-fiil. Vikipedi. URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Ek_fiil [дата обращения 29.10.2024] (in Turk)

17. Podlesnaya Y, Paliy E. *Turkish Language. Complete course of the Grammar. Reference Book. 1st edition*. Kiev.: Sky Horse; 2020. (in Russ)

Автор публикации

Подлесная Юлия Евгеньевна –

кандидат политических наук

старший преподаватель

Военная академия РБ

Минск, Беларусь

Email: jpodlesnaia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7.11.2024

Одобрена после рецензирования: 20.11.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Podlesnaya Yuliya Evgenyevna –

PhD in political sciences

senior teacher

Military Academy of RB

Minsk, Belarus

Email: jpodlesnaia@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1771-4072>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 7.11.2024

Approved after peer reviewing: 20.11.2024

Accepted for publication: 25.11.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.581.11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.469-480>

**АНГЛИЦИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ В
КАЗАХСТАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

М.К. Бейсенова¹ Г.К. Кенжетоева² М.А. Яхин³

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

¹*star1992@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8696-8009>*

²*gulken_kz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9046-353X>*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

³*yakhinmarat94@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4383-5086>*

Аннотация. В данной статье рассматривается использование англицизмов как инструмента для привлечения аудитории в казахстанском медийном дискурсе. На основе анализа медиатекстов 2024 года, отобранных из казахстанских новостных порталов в социальных сетях, авторами выявляются основные мотивы использования англицизмов. Результаты исследования демонстрируют направления, как англицизмы способствуют популяризации материалов и повышению их конкурентоспособности в условиях глобализации и цифровой трансформации медиа. В рамках исследования проведен социологический опрос среди 460 респондентов Казахстана, в ходе которого выявлено их отношение к использованию англицизмов в медиа. Результаты опроса показали, что большинство респондентов воспринимают англицизмы как признак современности и глобализации, однако часть участников выразила обеспокоенность их влиянием на языковую культуру и традиции. Результаты исследования демонстрируют, что причины использования англицизмов являются – придание тексту современности и актуальности, экономия языковых средств, семантическая неопределенность, отсутствие термина в языке-реципиенте, создание эмоциональной окраски, социальная функция. Результаты исследования могут быть полезны для журналистов, редакторов и специалистов в области медиа коммуникаций при разработке контента, учитывающего как глобальные тенденции, так и культурные особенности казахстанской аудитории.

Ключевые слова: язык; англицизмы; медиатекст; медиадискурс; коммуникативно-прагматическая особенность; языковая экономия

Для цитирования: Бейсенова М.К. Кенжетоева Г.К. Яхин М.А. Англицизмы как средство привлечения аудитории в казахстанском медийном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 469–480. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.469-480>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.469-480>

ANGLICISMS AS A TOOL FOR ATTRACTING AUDIENCES IN KAZAKHSTANI MEDIA DISCOURSE

M.K.Beisenova¹, G.K. Kenzhetayeva², M.A. Yakhin³

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

¹*star1992@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8696-8009>*

²*gulken_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9046-353X>*

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

³*yakhinmarat94@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4383-5086>*

Abstract. This article examines the use of anglicisms as a tool for attracting audiences in Kazakhstani media discourse. Based on an analysis of 2024 media texts sourced from Kazakhstani news portals on social networks, the main motives for using anglicisms are identified. The findings demonstrate how anglicisms contribute to the popularization of materials and enhance their competitiveness in the context of globalization and the digital transformation of media. A sociological survey was also conducted among 460 respondents from Kazakhstan to explore their attitudes toward the use of anglicisms in media. The survey results revealed that most respondents view anglicisms as a sign of modernity and globalization, although some expressed concerns about their impact on linguistic culture and traditions. The study highlights the main reasons for using anglicisms, including adding modernity and relevance to texts, linguistic economy, resolving semantic ambiguity, the absence of equivalent terms in the recipient language, creating emotional expressiveness, and fulfilling social functions. The research results can be useful for journalists, editors, and media communication professionals in developing content that balances global trends with the cultural characteristics of the Kazakhstani audience.

Keywords: language; anglicisms; media text; media discourse; communicative and pragmatic feature; linguistic economy

For citation: Beisenova M.K., Kenzhetayeva G.K., Yakhin M.A. Anglicisms as a Tool for Attracting Audiences in Kazakhstani Media Discourse. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 469–480. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.469-480>

Язык не может существовать в ограниченном пространстве, поскольку языковая коммуникация является одним из важнейших способов развития любого языка [1]. В современную эпоху глобализации и цифровой трансформации медиaprостранства наблюдается активное заимствование лексики из английского языка. В своей знаковой работе «Английский как глобальный язык» Д. Кристал рассматривает удивительное распространение английского языка и его становление как глобального лингва франка [2]. Англицизмы стали неотъемлемой частью казахстанского медийного дискурса, выполняя важную коммуникативно-прагматическую роль. В связи с популяризацией Интернета последние три десятилетия охарактеризованы волной массовых заимствований англицизмов [3]. Медиaprостранство является основным источником пополнения ан-

глицизмов в языковой узус. Год медийным дискурсом принято понимать взаимодействие, которое происходит через трансляционные платформы, будь то устная либо письменная форма, он направлен на воображаемого, отсутствующего читателя [4].

Казахский и русский языки, как и другие языки, не остаются в стороне от влияния англоязычных элементов, которые проникают в его структуру, что особенно заметно в медиапубликациях [5]. Современный словарь Cambridge dictionary дает нам определение англицизма как английское слово или фраза, используемые в другом языке. [6].

Цель данной статьи – исследовать, как англицизмы используются в казахстанском медиадискурсе для привлечения аудитории, какие прагматические функции они выполняют. Основой исследования стали русскоязычные медиатексты 2024 года, собранные с популярных казахстанских новостных порталов и социальных сетей. Дополнительно проведен социологический опрос, в котором приняли участие 460 респондентов, жители Казахстана.

В следующих примерах определим основные коммуникативно-прагматические функции англицизмов, отобранных методом сплошной выборки из аккаунтов новостных порталов (*Village.kz*, *nur.kz.*, *Qumash*). Одна из основных прагматических особенностей использования англицизмов – создание эффекта престижа, современности и глобализации для привлечения аудитории.

1. «В этом году компания inDrive и **streetwear-бренд** выпустили **капсульную коллекцию** к юбилею сервиса в Казахстане. С помощью стильной линейки одежды inDrive говорит Рақмет клиентам за их выбор на протяжении десяти лет. В **коллаборации** все как мы любим: стильный **мерч** в черном и белом цветах, удобные и практичные футболки, **худи**, **бомберы** и кепки. Все деньги с продаж будут направлены в благотворительный проект». В данном тексте англицизмы (*streetwear-бренд*, *капсульная коллекция*, *коллаборация*, *мерч*, *худи*, *бомберы*) создают эффект современности и глобализации, подчеркивают престижность и эксклюзивность продукта, ориентируют текст на моло-

дежную и модную аудиторию. Использование английской лексики делает сообщение более динамичным и стильным, привлекая внимание читателей и усиливая эмоциональную связь с аудиторией.

2. «В этом году Miller Genuine Draft и **стриминговая** платформа Beatport создали кампанию Miller Mix: World Tour. Казахстан стал одной из шести стран, в которых бренды провели **ивенты**». «Стриминговая» платформа – это термин, ориентированный на молодежь и тех, кто активно использует такие сервисы для потребления контента. Такая лексика делает текст более близким и понятным для целевой аудитории, привыкшей к интернет-технологиям. «Ивенты» ассоциируются с яркими, молодежными, часто развлекательными мероприятиями (концерты, фестивали, вечеринки), что делает его привлекательным для целевой аудитории, интересующейся модными трендами и новыми формами досуга.

В следующих примерах можно выделить такую прагматическую функцию как экономия языковых средств.

1. «Фильм «Бауырына Салу» Асхата Кучинчирекова официально отобрали на премию Оскар-2025 в номинации «Лучший фильм на иностранном языке» от Казахстана. Голосование Американской киноакадемии пройдет в три этапа. С 9 по 13 декабря члены академии сформируют **шорт-лист**, который будет обнародован 17 декабря». Англицизм «шорт-лист» в данном контексте выполняет несколько прагматических функций. Во-первых, служит экономией языковых средств, заменяя длинное выражение «краткий список номинантов», что делает текст более сжато и ясно воспринимаемым. Во-вторых, использование англицизма шорт-лист придает тексту профессиональный и официально-экспертный оттенок, подчеркивая его связь с международной киноиндустрией.

2. «На этой неделе завершился один из главных супергеройских проектов нынешнего года: «Пингвин» от НВО. Осторожно! В рецензии есть спойлеры! Подробнее – в нашем тексте. **Кликабельная** ссылка в описании профиля». Англицизм «кликабельная» ссылка сокращает длинные фразы, такие как

ссылка, по которой можно перейти, что делает текст сжатым и легко воспринимаемым. Это способствует упрощению восприятия информации и повышению ее доступности для аудитории.

Следующая прагматическая особенность – отсутствие термина в языке-реципиенте. В таких случаях англицизм используется для восполнения языкового пробела, когда не выявлено точного аналога в родном языке, что делает его необходимым для точной передачи конкретной концепции или явления. В основном эту категорию представляют термины из профессиональной сферы.

1. «Талибы запретили женщинам говорить вслух на публике. В знак протеста и несогласия афганки начали петь – в соцсетях был запущен тренд. Свои видео женщины сопровождают **хештегами** «Мой голос не запрещен». Прагматическая особенность англицизма «хэштег» заключается в его функции как удобного инструмента для организации и упорядочивания информации в социальных сетях. Данный термин заимствован из английского языка, поскольку в русскоязычном контексте не выявлено аналогичного слова для обозначения символа #, который используется для группировки сообщений по определённым темам или ключевым словам.

2. «Национальный банк и Национальная платежная корпорация KZ запустили единую систему **QR**-платежей для всех банков страны». QR (Quick Response) является международным стандартом, используемым по всему миру для описания технологии быстрых откликов, применяемой в мобильных платежах. Использование этого термина делает сообщение понятным не только для местных пользователей, но и для широкой аудитории, включая международных специалистов и партнеров.

Следующей прагматической особенностью, которую мы выделили, явилась необходимость дифференцировать различные понятия. Использование англицизмов позволяет избежать семантической неоднозначности и обеспечить правильное понимание сообщения.

1. «Мероприятия были организованы для поддержки диджейского **комьюнити**. Так, летом в Алматы состоялся Miller Mix с участием локальных и зарубежных артистов». Англицизм «комьюнити» ассоциируется с международным сообществом и сетевыми связями, что важно для такой глобальной сферы, как музыка. Аналог «сообщество» может звучать более формально или локально.

2. «Депутат от партии Amanat Жулдыз Сулейменова высказалась о случаях детского суицида, об этом она написала на своей странице в Facebook». «Хуже всего то, что эти игры и **квесты** создают профессионально, с использованием навыков убеждения с психологической точки зрения». Англицизм «квесты» активно используется в молодежной и популярной культуре, особенно в контексте видеоигр, мобильных приложений и даже реальных мероприятий (например, квест-комнаты). В тексте «квесты» представлены не как просто развлечение, а как игры, включающие элементы психологического воздействия. Это использование терминологии подчеркивает серьезность проблемы, затронутой депутатом, и добавляет сложность в обсуждение, где речь идет о возможных негативных последствиях для психики детей, что также делает текст более тревожным и осмысленным.

В связи с различными социальными проблемами, возникающими в казахстанском обществе некоторые англицизмы все чаще появляются в инфопространстве Казахстана. Зачастую с всплеском насилия такие англицизмы как «буллинг» и «абьюз» упоминаются в казахстанских СМИ. Следовательно, одна из прагматических особенностей англицизмов – это социальная функция, употребление данных англицизмов показывают социальную повестку в данном обществе. Рассмотрим следующий пример. «Казахстан – неблагоприятная страна в которой высокий уровень гомофобии. Мы попросили документалисток из организации @edu.community.kz, которая занимается фиксацией нарушений прав **квир-персон** в нашей стране, рассказать, как обстоят дела сегодня». Использование англицизма «квир» отражает влияние глобальных трендов, которые широко распространены в международных медиа и социальных платфор-

мах. Данный англицизм активно используется в англоязычных странах и служит маркером приверженности международным стандартам и ценностям в отношении прав меньшинств. Его присутствие в казахстанском контексте помогает связать локальные проблемы с глобальной повесткой прав человека.

Англицизмы используются также для придания эмоциональной окраски тексту. В основном они встречаются в молодежных блогах, новостных аккаунтах, аудиторией которых, является молодежь. Используя заимствования из английского языка, молодежь стремится приблизиться к этому стереотипу, культуре и образу жизни. Кроме того, интенсивное изучение иностранных языков и владение ими характеризует молодого человека уровнем выше в определенных кругах, подчеркивая его знания, умения и превосходство над другими [7]. Поскольку молодежь является социально активной группой населения, её лексикон подвержен значительным изменениям [8,10,11,12]. Рассмотрим пример. «Ситуация, конечно, **треш**. В селе Байсеит сотрудники полиции остановили 34-летнего водителя авто за нарушение ПДД. Во время оформления протокола мужчина отказался подчиняться, сел в машину и попытался скрыться». Англицизм «треш» происходит от английского "trash" (мусор) и в разговорной речи означает что-то экстравагантное, нелепое или абсурдное, часто в негативном контексте. В данном случае лексема "треш" подчеркивает, что ситуация выглядит крайне странно, неординарно и нелепо. Слово усиливает эмоциональную окраску текста, придавая ему определенный сарказм и ироничный оттенок, что помогает воспринимать происходящее как нечто удивительное и нелепое. Выбор использования заимствования имеет преимущество не только во введении денотативного значения, но и в том, что вызывает определённые эмоции и чувства у аудитории и читателей [9].

Проведенный опрос среди 460 респондентов, позволил выявить отношение казахстанцев к использованию англицизмов в медиапространстве.

Медиа могут быть основным источником появления англицизмов, однако, где их встречают респонденты? Полученные ответы представлены в диаграмме 1.

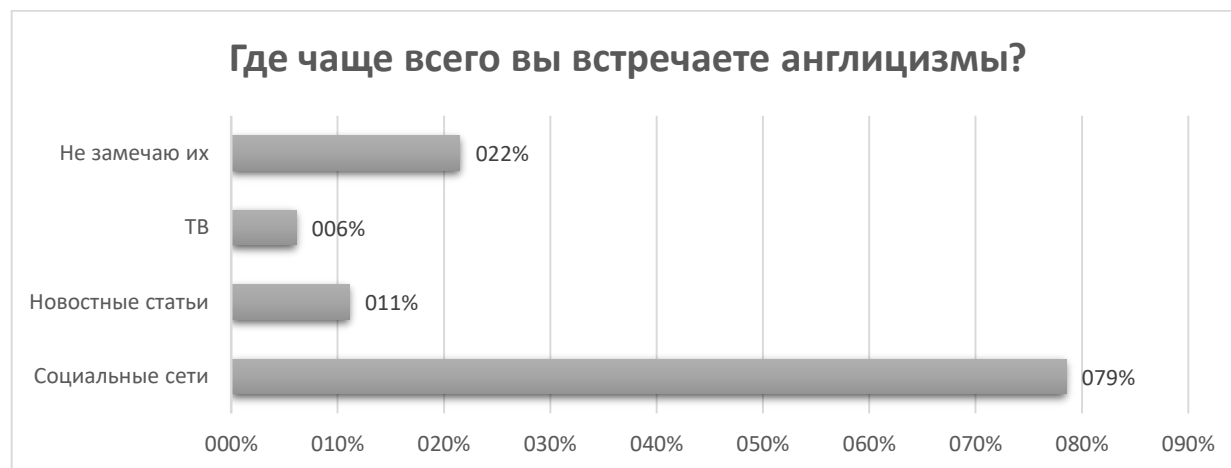

Диаграмма 1. Где чаще всего вы встречаете англицизмы?

Значительная часть респондентов (21,5%) заявила, что не замечает англицизмов активно, что может свидетельствовать о том, что англоязычные заимствования стали настолько привычными, что многие используют их, не осознавая этого. Лишь небольшая группа (6,1%) указала на телевидение как главный источник англицизмов, что может отражать более избирательное использование иностранных слов на ТВ или меньшую роль телевидения в жизни тех, кто часто сталкивается с англицизмами. Немного больше респондентов (11,1%) отметили, что встречают англицизмы в новостях и статьях, что указывает на то, что письменные СМИ, особенно новостные ресурсы, часто используют английские термины для освещения актуальных или специализированных тем. Однако, подавляющее большинство (78,5%) указало на социальные сети как основную платформу, где они сталкиваются с англицизмами. Эти данные подтверждают значительное влияние социальных сетей на формирование языка, особенно в вопросах заимствования иностранных слов. В отличие от этого, низкий процент для телевидения и новостей может свидетельствовать о том, что традиционные медиа более осторожны в использовании англицизмов.

Следующие данные представляют результаты опроса, в котором респонденты выражали свое мнение о влиянии англицизмов на качество информации в СМИ (Диаграмма 2).

Диаграмма 2. Как вы считаете, англицизмы улучшают качество информации в медиа-пространстве?

Существенная доля респондентов (18,9%) считает, что англицизмы улучшают качество информации, делая её более современной и доступной. Однако наибольшая группа (38,5%) полагает, что англицизмы усложняют восприятие информации, что связано с опасениями по поводу чистоты языка, возможных недоразумений или утраты культурной идентичности. Меньшая группа (14,8%) считает, что использование англицизмов практически не влияет на качество информации, что может свидетельствовать о равнодушии или отсутствии беспокойства по этому поводу. В то же время 27,8% респондентов считают, что влияние англицизмов зависит от конкретного содержания, что отражает тонкое восприятие, признающее преимущества англицизмов в некоторых контекстах и их недостатки в других. Результаты показывают разделённое восприятие роли англицизмов в СМИ: одни воспринимают их как полезные для модернизации и упрощения языка, в то время как другие считают их барьером для понимания. Это подчеркивает сложность вопроса, где использование англицизмов в медиа может быть, как преимуществом для улучшения коммуникации и глобальной

связности, так и минусом, благодаря которому возникают трудности для определённой аудитории, особенно для не владеющих английским языком.

Анализируя цели использования англицизмов в СМИ, респонденты выделили 4 основные категории (Диаграмма 3).

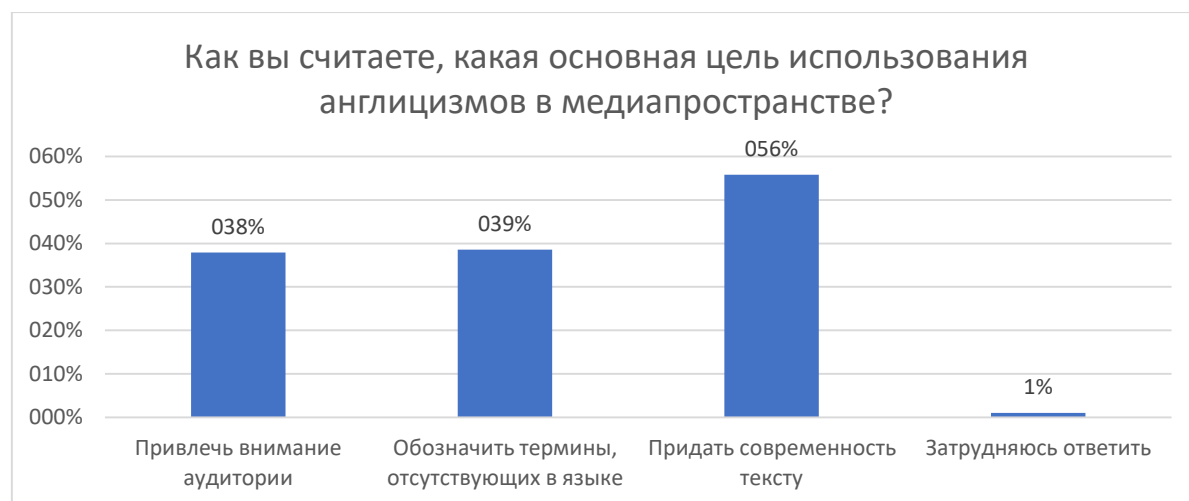

Диаграмма 3. Как вы считаете, какая основная цель использования англицизмов в медиапространстве?

Большинство (55,8%) считают, что англицизмы придают контенту современный и актуальный вид, что отражает мнение о том, что они помогают медиа наладить связь с молодой аудиторией и соответствовать трендам. 38,6% респондентов полагают, что англицизмы используются для выражения конкретных понятий, для которых нет эквивалентов в родном языке, и ценят их за точность. Около 37,9% воспринимают англицизмы как средство привлечения внимания читателей, придавая тексту динамичность и вовлеченность. Лишь 1% респондентов не смогли точно ответить на вопрос о цели использования англицизмов. Респонденты признали несколько ключевых ролей англицизмов в медиа, при этом основная – придание современности и актуальности, что подчеркивает использование англицизмов как инструмента для поддержания актуальности медиа. Другие цели включают заполнение лексических пробелов для специфических терминов и привлечение внимания читателей. В целом, эти ответы показывают, что англицизмы способствуют выразительности, понятности

и привлекательности медиа-контента, отражая широкие тенденции глобализации и влияние английского языка на язык и культуру.

Список литературы

1. Abdikadyrova A.K., Kuzembekova Z. Anglicisms in the works of scholars of Kazakhstan. *Eurasian Science Review: An International Peer-Reviewed Multidisciplinary Journal*, 2024;2:99–104. DOI: <https://doi.org/10.63034/esr-60>
2. Crystal D. *English as a Global Language*. 2nd ed. Cambridge University Press; 2003.
3. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018;2(1):5–14.
4. O'Keeffe A. *Media and discourse analysis. The Routledge handbook of discourse analysis*. London: Routledge; 2011.
5. Жусубалина Ж.М., Радбиль Т.Б. Использование англицизмов в средствах массовой информации Казахстана. *Приоритетные направления развития спорта, туризма, образования и науки: Сборник материалов III Междунар. научн. конф.* Нижний Новгород; 2022. с. 266–269.
6. Cambridge Dictionary. Anglicism. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/anglicism> (дата обращения: 21.11.2024).
7. Нурғалина Х.Б. Влияние англицизмов на речь студентов. *Устойчивое развитие территорий: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции*. Сибай: Сибайский информационный центр – филиал ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан»; 2020. с. 377–379.
8. Нурғалина Х.Б. Основные способы образования неологизмов в английском языке. *Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе*. Екатеринбург: изд-во УГГУ; 2020. с.148–151.
9. Sokolova A. G. Study of pragmatic aspects of Anglicisms in Italian media texts. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2021;3(112):112–119. DOI: 10.37972/chgpu.2021.112.3.014
10. Сакаева Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков): специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа; 2009. 37 с.
11. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - Health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*. 2014;11(5):547–550.
12. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Ermolenko A.Yu., Bazarova L.V. Translation features of author neologisms on the example of modern english prose. *Revista San Gregorio*. 2018;23:108.

References

1. Abdikadyrova A.K., Kuzembekova Z. Anglicisms in the works of scholars of Kazakhstan. *Eurasian Science Review: An International Peer-Reviewed Multidisciplinary Journal*. 2024;2:99–104. DOI: <https://doi.org/10.63034/esr-60>
2. Crystal D. *English as a Global Language*. 2nd ed. Cambridge University Press; 2003.
3. Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian (using the example of Internet vocabulary). *Kazan Linguistic journal*. 2018;2(1):5–14. (In Russ.)
4. O'Keeffe A. Media and discourse analysis. In: Gee J., Handford M. (Eds.). *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London: Routledge; 2011.
5. Zhushubalina Zh.M., Radbil T.B. The use of anglicisms in the media of Kazakhstan. In: *Priority directions for the development of sports, tourism, education, and science: Proceedings of the III International Scientific Conference*. Nizhny Novgorod; 2022;266–269. (In Russ.)
6. Cambridge Dictionary. Anglicism. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/anglicism> (accessed: 21.11.2024).
7. Nurgalina K.B. The impact of anglicisms on students' speech. *Sustainable Development of Territories: Theory and Practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Sibay: Sibay Information Center – Branch of State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan, “Respublika Bashkortostan” Publishing House; 2020. P. 377–379. (In Russ.)

8. Nurgalina K.B. Main ways of forming neologisms in the English language. *Topical Issues of Linguistics, Intercultural Communication, and Methods of Teaching Foreign Languages at Universities.* Yekaterinburg: UGUG Publishing; 2020. P. 148–151. (In Russ.)

9. Sokolova A.G. Study of Pragmatic Aspects of Anglicisms in Italian Media Texts. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev.* 2021;3(112):112–119. DOI: 10.37972/chgpu.2021.112.3.014

10. Sakaeva L.R. *Comparative analysis of phraseological units of anthropocentric orientation (on the material of Russian, English, Tajik and Tatar languages):* specialty 10.02.20 “Comparative-historical, typological and comparative linguistics”: dissertation abstract for the degree of Doctor of Philological Sciences. Ufa; 2009. 37 p. (In Russ.)

11. Sakaeva L.R., Yalalova R.R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease - Health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal.* 2014;11(5):547–550.

12. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Ermolenko A.Yu., Bazarova L.V. Translation features of author neologisms on the example of modern english prose. *Revista San Gregorio.* 2018;23:108.

Авторы публикации

Бейсенова Малика Канатовна –

Докторант 3 курса

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Email: star1992@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8696-8009>

Кенжетаяева Гулзира Кабаевна –

Доцент, к.н.

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Email: gulken_kz@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9046-353X>

Яхин Марат Айдарович –

ст.преподаватель, к.н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Республика Татарстан, Россия

Email: yakhinmarat94@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4383-5086>

Authors of the publication

Beisenova Malika Kanatovna –

3rd course Phd student

ENU named after L.N. Gumlilyov

Astana, Kazakhstan

Email: star1992@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8696-8009>

Kenzhetayeva Gulzira Kabayevna –

Associate professor

ENU named after L.N. Gumlilyov

Astana, Kazakhstan

Email: gulken_kz@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9046-353X>

Yahin Marat Ajdarovich –

senior lector,

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

Email: yakhinmarat94@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4383-5086>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22.11.2024

Одобрена после рецензирования: 28.11.2024

Принята к публикации: 30.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 22.11.2024

Approved after peer reviewing: 28.11.2024

Accepted for publication: 30.11.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.11

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.481-494>

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ С КОМПОНЕНТОМ
МОЛОДЕЖНОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ**

М.И. Гусева¹, Т.Я. Заглядкина²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*margarita7338@googlemail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0502-0126>*

²*ztat45@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0409-7340>*

Аннотация. Реклама привлекает внимание различных социальных слоев. И т.к. молодежь является наиболее активной прослойкой общества, привлечение ее внимания осуществляется за счет использования молодежной лексики. Таким образом достигается эффект выразительности, что повышает вероятность прочтения рекламного текста. Цель статьи – выявление языковых средств выразительности в немецкоязычной рекламе, целевой аудиторией которой являются различные социальные слои общества. В статье рассмотрены языковые средства выразительности, используемые в немецкой рекламе для привлечения внимания потребителей, представляющих различные социальные слои общества. Новизна исследования заключается в выявлении в рекламе молодежной лексики и средств достижения эффекта выразительности, привлекающих внимание потребителей. Полученные результаты показали, что среди средств выразительности, используемых в немецкой рекламе, первое место занимают эпитеты (29%) и гиперболы (26%). На второй позиции находятся преднамеренные орфографические ошибки (20%) и графические выделения (17%), а на третьем месте расположились фразеологизмы (5%) и сравнения (3%) как самая малочисленная группа выразительных средств. Молодежная лексика становится частью обиходной речи и очень часто используется для привлечения внимания потребителей товаров и услуг.

Ключевые слова: реклама; молодежная лексика; языковые средства выразительности; обиходная речь; эпитеты; гиперболы; преднамеренные орфографические ошибки

Для цитирования: Гусева М.И., Заглядкина Т.Я. Языковые средства выразительности с компонентом молодежной лексики в немецкой рекламе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 481–494. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.481-494>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.481-494>

**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION WITH THE COMPONENT
OF YOUTH VOCABULARY IN GERMAN ADVERTISING**

M.I. Guseva¹, T.Y. Zaglyadkina²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*margarita7338@googlemail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0502-0126>*

²*ztat45@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0409-7340>*

Abstract. Advertising attracts the attention of different social strata. And since youth is the most active stratum of society, attracting its attention is carried out through the use of youth vocabulary. Thus the effect of expressiveness is achieved, which increases the probability of reading the advertising text. The purpose of the article is to identify the linguistic means of expressiveness

in German-language advertising, the target audience of which are different social strata of society. The article considers the linguistic means of expressiveness used in German advertising to attract the attention of consumers representing different social strata of society. The novelty of the study lies in the identification of youth vocabulary in advertising and means of achieving the effect of expressiveness, attracting the attention of consumers. The results showed that among the means of expressiveness used in German advertising, the first place is occupied by epithets (29%) and hyperboles (26%). The second position is occupied by deliberate spelling errors (20%) and graphic emphasis (17%), and the third place is occupied by phraseologisms (5%) and comparisons (3%) as the smallest group of expressive means. Youth vocabulary becomes a part of everyday speech and is very often used to attract the attention of consumers of goods and services.

Keywords: advertising; youth vocabulary; language means of expressiveness; everyday speech; epithets; hyperboles; deliberate spelling mistakes

For citation: Guseva M.I., Zaglyadkina T.Y. Linguistic Means of Expression with the Component of Youth Vocabulary in German Advertising. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 481–494. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.481-494>

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена современными тенденциями развития общества и языковой культуры. Емкость, экспрессивность и выразительность молодежной лексики эффективно воздействуют на потребителя, помогают установить доверительные отношения с целевой аудиторией, сохранить интерес потребителя к продукту или услуге, использовать ее в рекламе и в маркетинговой коммуникации. Совокупность всех этих факторов обуславливает актуальность исследования данной проблематики сейчас и в дальнейшем.

Теоретическую базу исследования составляют труды таких учёных, как Ю.С. Бернадская [1], М.А. Николаева [2], Э.В. Булатова [3], О.А. Ксезенко [4], Е.С. Кара-Мурза [4], Л.В. Матвеева [4], М.Ю. Папченко [4], И.В. Борнякова [4], С.Н. Прохорова [5], А.А. Кудрявцев [6].

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) изучить понятие «реклама»; 2) выделить языковые средства выразительности как способ маркетингового воздействия в контексте привлечения внимания аудитории; 3) описать примеры использования языковых средств выразительности в рекламном тексте; 4) подтвердить теоретическое обоснование того, что молодежная лексика становится частью обиходной речи и привлекает внимание аудитории к рекламе в рекламе.

В статье использовались следующие **методы** исследования: анализ собранных методом сплошной выборки рекламных текстов, их изучение и обобщение, а также синтез.

В качестве **объекта** исследования рассматривается молодежная лексика немецкой маркетинговой сферы. **Предметом** исследования являются языковые средства выразительности, как способ воздействия на потребителя посредством рекламы.

Для анализа, методом сплошной выборки, были отобраны 100 немецких рекламных текстов, содержащих молодежную лексику.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы статьи могут найти применение в учебных курсах сравнительного языкознания, межкультурной коммуникации, лексикологии немецкого языка, в практике преподавания немецкого языка, а также быть полезными при анализе лингвистической базы немецкой маркетинговой сферы.

Согласно определению Оксфордского словаря, термин **реклама** происходит от латинского *reclamare* – ‘громко кричать’ или ‘извещать’ – так на базарах и площадях Древней Греции и Древнего Рима более 2000 лет назад громко выкрикивали и расхваливали различные товары. **Реклама** в английском языке обозначается термином *advertising*, что в переводе с английского означает ‘уведомление’ и истолковывается как привлечение внимания потребителя к продукту, а также как распространение советов, призывов, предложений, рекомендаций приобрести товар или услугу [7]. М.В. Тверских рассматривает данное понятие как бизнес, форму коммуникации, как вид искусства [8, с. 3]. По мнению К. Эдвардса **рекламой** является распространяемая в определенной форме информация неличностного характера о товарах, услугах, идеях и начинаниях, предназначенная для целевой аудитории, и оплачиваемая определенным спонсором [9, с. 3]. У известного маркетолога Филиппа Котлера реклама – это «любая платная форма неличного представления и продвижения идей, товаров и услуг конкретного заказчика» [10, с. 699].

С точки зрения В.В. Тулупова *реклама* представляет собой особый *социальный институт*, опирающийся на разветвленную систему организационных структур: агентства, отделы рекламы в редакциях газет и журналов, теле- и радиокомпаний, на предприятиях, в организациях и учреждениях, что является наиболее точным определением в контексте нашего исследования [11, с. 4].

Многообразие подходов и пониманий рекламы связано с тем, что специалисты в области рекламной деятельности находятся в разных парадигмах (экономической, лингвистической, социальной, философской и т.п.), что делает само понятие рекламы неоднозначным. Таким образом, можно утверждать, что реклама ориентируется на разные социальные группы, лексика одной из которых, а именно *молодежная лексика (молодежный язык)*, и является предметом рассмотрения данной статьи. Использование молодежной лексики в рекламе набирает популярность. Этой теме посвящены исследования таких ученых как Nils Bahlo [12], P. Schlobinski [13], G. Kohl [13], Герман Эман [14], Г. Генне [15].

Согласно Герману Эману, «*молодёжный язык* – это разновидность языка, чья лингвистическая система отличается от общества» [14, с. 16]. Противоположное мнение высказывает Нильс Бало [12], доктор наук Вестфальского университета имени Вильгельма, который утверждает, что *молодёжный язык* становится частью повседневной речи, т. е. не существует отдельно от общества или общепринятого языка, а является его частью. В отличие от многих ученых он придерживается мнения, что молодежный язык не загрязняет нашу речь, а обновляет и изменяет её. В молодежной и в нормативной речи присутствуют как сниженная лексика, так и лексика нейтрального регистра. Употребление того или иного ее пласта зависит прежде всего от воспитания члена общества, а не от социальной принадлежности.

Из всех многочисленных точек зрения наиболее весомым является мнение Г. Генне, который дифференцировал данное понятие следующим образом: «*молодёжный язык* – это особый способ общения и письма, с помощью которого молодые люди стремятся, среди всего прочего, к языковому профилирова-

нию, чтобы заявить о себе и, таким образом, найти свою собственную идентичность. Одной из возможностей заявить о себе является использование в компании молодёжных слов» [15, с. 373].

Интерес к теме молодёжной лексики проявляется также и в молодёжных журналах, например, *vitaminde*, где в рубрике «язык» говорится об актуальных тенденциях ее использования, о растущей популярности сокращений. К примеру, немецкий лингвист, доктор наук, Галле-Виттенбергского университета имени Мартина Лютера, Флориан Буш в своем исследовании 2021 года установил, что молодёжь подбирает лексику в зависимости от ситуации и контекста [16, с. 24]. Из данной рубрики можно также узнать о набирающих популярность словах, усиливающих значение, например, таких как *Affentanz*, *ultrascharf* и т.д.

Рассматривая молодёжную лексику в контексте рекламы, можно проследить растущую популярность использования сокращений и лексических усилителей в рекламных текстах.

В ходе исследования выявлено, что **первое** место среди языковых средств выразительности занимают **эпитеты** (29%) и **гиперболы** (26%). Так, например, авторы рекламного текста банка Шпаркассе, используя следующие яркие эпитеты *abgefahren*, *schwindelerregend*, *british crazy*, *kämpferisch*, *saugeil*, (сумасшедший, головокружительный, британский сумасшедший, боевой, потрясающий) стараются привлечь внимание молодёжи к услугам данного финансового заведения. Еще большей убедительности рекламе придает участие в ней самих молодых людей, известных среди молодёжи, таких, например, как музыканты или шоумены. Они приглашают людей принять участие в шоу и говорят, что для этого участникам необходимо снять деньги в вышеупомянутом банке: *Kämpferisch und auch ein bisschen fit. Denn ihr bestimmt über unsere Bestrafung. Das sollt ihr nicht verpassen und es gibt saugeile Preise zum Gewinnen* [17]. – ‘Привет, мы - Хайко и Роланд Лоши. Может быть, вы нас не знаете. Нас не показывают по телевизору, но мы есть в интернете на youtube. Там мы играем музыку, скетчи... а теперь и вы можете испытать что-то по-настоящему. Са-

мый сумасшедший конкурс года... Мы обещаем вам, что это будет головокружительно. По-британски сумасшедшие. Свирепо и немного спортивно. Потому что вы решаете наше наказание. Вы не захотите пропустить это событие, и вас ждут отличные призы’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева)

Кроме того, в рекламе используется фразеологизм *Kinderspiel* ‘плевое дело’. Текст рекламы уверяет молодых людей с помощью данного приема, что если у них есть счет, то ‘*снять деньги за границей — плевое дело*’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) Или, например: *Unsere Werbung ist cringe, aber unser Angebot wyld* [18]. Эпитеты располагаются по определенным стандартным схемам. Одна из них заключается в подборе эпитетов по контрасту. Антонимы позволяют подчеркивать положительные качества товара. В данном примере молодёжное слово *crine* ‘стыд, позор, лажа’ (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) является антонимом к понятию из того же источника *wyld* (или *Wild*) ‘офигительный, вопиющий, сумасшедший, супер, класс’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) С помощью данного приема сбербанк Германии акцентирует внимание молодежи на широком спектре своих услуг.

Гипербола создаёт более четкий рекламный образ. К ней обращаются, стремясь подчеркнуть особые свойства объекта, его исключительность. Примером, изобилующим гиперболами, может быть реклама торговой сети EDEKA:

Super süß

super, sexy

super easy

super geil,

super Leute Super lieb.

Superlied,

Superuschi, supermuschi, supersuschi, supergeil

Superhäftig, superdeftig, superlässig, supergeil

superfit, superfresh

Super-Lifestyle super geil,

Superpower, superstark, Supermarkt supergeil [19].

В рекламе участвует известный актер, исполняющий песню и воспевающий в ней все преимущества данной сети: работают самые лучшие люди «*super Leute super lieb*», супер-стиль жизни *Super-Lifestyle*. Для описания продуктов используются гиперболы *superhäftig, superdeftig, superlässig, supergeil, superfit, superfresh* ‘супер-горячий, супер-сытный, супер-непринужденный, супер-классный, супер-форма, супер-свежий’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) Гиперболы в данном примере усиливаются таким фонетическим приемом как аллитерация, использование одинаковых или сходных звуков. Часто повторяется буква/звук «s» в сочетании с префиксом *super-*, который усиливает значение прилагательных, обозначающих качество чего-либо. Это обращает внимание потребителя на высокое качество продуктов, предлагаемых данной торговой маркой. Молодёжное слово «*geil*» привлекает внимание данной возрастной категории.

На **втором** месте языковых средств выразительности находятся **преднамеренные орфографические ошибки (20%) и графические выделения (17%)**.

В рекламных текстах часто наблюдаются искажения немецкого языка, которые происходят по одной и той же схеме: на основе изначально нейтральной картинки пишется текст, с большим количеством орфографических и грамматических ошибок.

В качестве наглядного примера можно привести рекламный текст берлинского транспортного предприятия BVG: *Nicht mal deine Mudda holt dich morgens um 4:30 ab* [20]. В данном случае делается намеренная ошибка в слове “Mutter”, вместо удвоенных согласных **tt** используются удвоенные **dd**. Данная реклама представлена в виде плаката, на котором изображен спящий в метро молодой человек. Текст рекламы переводится так: ‘*даже твоя мама не забирает тебя в 4.30 утра*’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева).

Также часто встречаются конструкции с ‘vong...her’, в которых опорные слова расширяются за счёт информации. Необходимо отметить, что ‘vong’ не просто используется в качестве замены грамматически правильного ‘von’, а заменяет состояние или действие. Реклама оператора мобильной связи Vodafone: *Wenn dein Datenvolumen vom Vormonat noch da ist. 1 nices Moment vong Überraschung her* [21]. ‘Если ваш объем данных за предыдущий месяц еще не израсходован, у вас есть еще один повод для радости’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) В данном слогане используется сразу несколько приёмов для привлечения внимания, к которым можно отнести использование цифры один вместо неопределённого артикля *ein nices Moment*, а также использование англицизма *nice*. С помощью вышеперечисленных средств выстраивается ассоциативный ряд, связанный с положительными эмоциями, побуждающий молодого человека стать клиентом данной компании.

Нередко можно встретить такой прием как *графические выделения (слова-матрешки)* [1, с. 71], создающие возможность двойного прочтения фразы или текста. Слова-матрешки можно считать частным случаем каламбура. По сути дела это – игра слов, отраженная не только в звучании, но и в написании фразы. Поэтому, его можно назвать графическим каламбуром. Часто можно встретить написание слоганов, в которых часть одного из слов, выделенная графически, представляет собой самостоятельное слово с собственным значением. Например, в рекламе немецкого словаря DUDEN внимание пользователей привлечено заменой глагола *achten* ‘обращать внимание’ на числительное восемь. Далее используется преднамеренная ошибка *vong... her: Man muss immer auf korrekte Rechtschreibung 8en. Vong Grammatik her* [22]. ‘Вы всегда должны следить за правильностью написания. С грамматической точки зрения’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Заглядкина, М.И. Гусева) Таким образом, авторы словаря хотят обратить внимание молодежи, насколько важным является правописание «с точки зрения грамматики».

В качестве примера графического выделения можно привести использование цифры 1 вместо «ein» неопределённого артикля. Примером данному явлению может послужить реклама сберегательной кассы: *Gönn Dir ist einfach. Wenn man 1 gute Bank hat von Vorsorge her* [23]. ‘Желать просто. Ели есть банк с хорошим обеспечением’. Для привлечения интереса молодых людей используется выражение из сленга *Gönn dir!*, являющееся синонимичным выражению *Viel Spaß!* ‘Веселитесь!’ (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Загладкина, М.И. Гусева)

Ярким примером графического выделения с использованием цифры один, является также реклама марки Mercedes-Benz, дополненная молодежным словом *I bims*, вербализация *Ich bin's*, стала молодёжным словом 2017 года. На фоне салона автомобиля размещен слоган: *I bims I fancy S-Klasse* [24]. ‘Я роскошный автомобиль S-класса’. (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Загладкина, М.И. Гусева) В рекламном тексте создается выразительный образ товара: описывается не столько сам товар, сколько вызываемое им настроение или образ: красота, сила, скорость, комфорт, мечта, свобода действий. При этом не используются прямые аргументы в пользу товара – только косвенные.

Фразеологизмы (5%) и сравнения (3%) находятся на **третьем** месте по популярности среди средств выразительности в рекламных текстах, использующих молодежную лексику. *Geh mit uns durchs Feuer!* Wir haben die dicksten *Hupen*...die längsten *Schläuche*... und wir wollen *mehr als* nur ein kurzes *Abenteuer!* [25]. В данном примере пожарной службы, стремящейся заинтересовать молодежь трудоустройством, используется фразеологизм *durchs Feuer gehen* ‘пройти через огонь и воду’, молодежная лексика *Hupen* ‘женская грудь’, *Schlauch (Schläuche)* ‘мужской половой орган’, *dick* ‘превосходный, отличный, супер’ а также сравнение *mehr als Abenteuer* ‘больше чем приключение’. Таким образом пожарная служба обещает молодежи стабильное рабочее место. Так реклама звучала бы на общепринятом языке: ‘Пройди с нами через огонь и воду! У нас отличные сирены...самые длинные шланги... А работа как приключение!’ (здесь и далее перевод наш – Т.Я. Загладкина, М.И. Гусева) Сравнения позво-

ляют достичь оригинального звучания. Фразеологизмы придают тексту яркость, красочность, и являются удачным и легко узнаваемым приемом. Данные средства выразительности повышают способность потребителя воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган. Употребляя фразеологизм в обычной речи, люди автоматически воспринимают рекламу.

Цель исследования – выявление языковых средств выразительности в немецкоязычной рекламе, целевой аудиторией которой является молодёжь, была достигнута. На основе проведенного анализа можно утверждать: 1) В рекламных текстах чаще всего используются такие средства выразительности как эпитеты (29%) и гиперболы (26%) 2) Преднамеренные орфографические ошибки (20%) и графические выделения (17%) занимают вторую позицию. 3) Значительно реже прибегают к таким приемам как фразеологизмы (5%) и сравнения (3%). Графически результаты анализа отображены на рисунке 1.

Рис. 1. Частота применения языковых средств выразительности в рекламных текстах с использованием молодежной лексики

Язык рекламного сообщения приближен к устной разговорной речи, поэтому в рекламе часто используются разговорные конструкции: обиходно-

бытовая лексика и фразеология, эмоционально-экспрессивная лексика. Это позволяет сделать вывод, что молодежная лексика, со свойственной ей экспрессивностью органично вписывается в контекст рекламы и привлекает внимание аудитории. Таким образом, средства выразительности и лексикон молодежи украшают рекламу и делают ее привлекательной для потребителя.

Молодежная лексика становится частью обиходной речи, что подтверждается многочисленными мнениями отечественных и зарубежных исследователей по этому вопросу, таких как, например, Нильс Бало, Флориан Буш и др. Всем известно, что потребителями рекламных услуг является не только молодежь, но и другие социальные слои. Следовательно, копирайтеры рассчитывают на её положительное восприятие и понимание со стороны групп общества. Таким образом, реклама способствует коммуникации и является связующим звеном между молодежным и обиходным языком. Подобная связь прослеживается также в использовании молодежной лексики в интернет-комментариях. Так, согласно А.В. Агеевой и Д.Р. Сабировой, экспрессивность подобной лексики повышает интерес читателя к публикуемой информации [26].

Язык проходит новый этап эволюции, в том числе и благодаря быстрому развитию сферы маркетинга и рекламы, которые не только способствуют ускоренному темпу продаж и товарооборота, но в том числе изменяют и сам язык. Активное распространение рекламы влияет в значительной степени на язык и на его лексический состав, поскольку она наполняет его новыми словами, понятиями и выражениями. Более того, используя и продвигая молодежный сленг и жаргон, реклама также способствует их внедрению в язык повседневного общения. Именно поэтому отечественные и зарубежные ученые-лингвисты предпринимают попытки изучения специфики рекламы и выявления ее лингвистических особенностей, а также причин активного использования рекламодателями молодежного языка. Таким образом, изучение особенностей молодежной лексики в современных рекламных текстах нуждается в более глубоком анализе.

Список литературы

1. Бернадская Ю.С. *Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама»*. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2008.
2. Николаева М.А. *История рекламы и средств массовой информации: курс лекций [Текст]+CD: учебно-методический комплекс*. ФГБОУ ВПО «Урал. гос.пед. ун-т». Екатеринбург; 2012.
3. Булатова Э.В. *Стилистика текстов рекламного дискурса: [учеб. пособие]*. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та; 2012.
4. Володина М.Н. *Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/Под ред. М.Н. Володиной*. М.: Академический Проект; Альма Матер; 2008. 760 с. (О. А. Ксезенко, Е.С. Кара-Мурза, Л.В. Матвеева, М.Ю. Папченко, И.В. Борнякова.)
5. Прохорова С.Н. *Рекламный дискурс: текст лекций*. Яросл. Гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ; 2013.
6. Кудрявцев А.А. Особенности рекламного текста в печатных немецких СМИ. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020; (3):170.
7. Оксфордский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> [дата обращения 07.08.2024].
8. Тверских М.В. *Язык рекламы: учебно-методическое пособие*. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та; 2008.
9. Edwards Ch. Mundy. *Retail Advertising and Sales Promotion*. N.Y.; 1981. P.3.
10. Котлер Ф. *Маркетинг менеджмент: Пер. с англ.* СПб.: Питер; 2000.
11. Тулупов В.В. *Реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 2011.
12. Nils Balo. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: <https://detektor.fm/wissen/jugendsprache> [дата обращения 07.08.2024].
13. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. *Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1993. 241 S.
14. Ehmann H. *Jugendsprache und Dialekt. Regionalismen im Sprachgebrauch von Jugendlichen*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1992. 252 S.
15. Henne H. *Jugend und ihre Sprache: Darstellung. Materialien. Kritik*. Berlin. N. Y.: De Gruyter; 1994. 385 S.
16. Florian Busch, Clemens Tragelehn. Unerwartet sprachkompetent. *Vitamine*. 95(22). Winter 2022.
17. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IT_zt8SilmU [дата обращения 07.08.2024].
18. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gyP8S5wwiGM> [дата обращения 07.08.2024].
19. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ETKYBLRj4dU> [дата обращения 07.08.2024].
20. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3CskHC> [дата обращения 07.08.2024].
21. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3CskCq> [дата обращения 07.08.2024].
22. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3CskKb> [дата обращения 07.08.2024].
23. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.handelsblatt.com/finanzen/banken-versicherungen/banken/jugendmarketing-1-neues-ding-vong-sparkasse/14492370.htm> <https://www.handelsblatt.com/finanzen/banken-versicherungen/banken/jugendmarketing-1-neues-ding-vong-sparkasse/14492370.html> 1 [дата обращения 07.08.2024].
24. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.futurezone.de/digital-life/article213102359/mercedes-benz-blamiert-sich-mit-vong-sprache.html> [дата обращения 07.08.2024].

25. Примеры рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://personalmarketing2null.de/2014/03/15/dicke-hupen-lange-schlaeuuche-frechmutige-personalwerbung-der-feuerwehr-dormagen/> [дата обращения 07.08.2024].

26. Агеева А.В., Сабирова Д.Р. Лексико-семантическая стратификация сленга во франко-язычных интернет-комментариях. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4). URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/392/298> [дата обращения 07.08.2024].

References

1. Bernadskaya Y.S. Text in advertising: textbook for university students studying on specialty 032401 (350700) "Advertising". M.: UNITY-DANA; 2008. (In Russ.)
2. Nikolaeva M.A. *History of advertising and mass media: a course of lectures* [Text]+CD: educational and methodical complex. FGBOU VPO "Ural State Pedagogical University". Ekaterinburg; 2012. (In Russ.)
3. Bulatova E.V. *Stylistics of texts of advertising discourse*: [textbook]. Yekaterinburg: Izd-e Ural. Un-ta; 2012. (In Russ.)
4. Volodina M.N. *The language of mass media: A textbook for universities*. Moscow: Academic Project; Alma Mater; 2008. 760 p. (O.A. Ksezenko, E.S. Kara-Murza, L.V. Matveeva, M.Y. Papchenko, I.V. Borniakova). (In Russ.)
5. Prokhorova S.N. *Advertising discourse: text of lectures*. Yaroslavl. State University named after P.G. Demidov. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2013. (In Russ.)
6. Kudryavtsev A.A. Features of advertising text in printed German media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;(3):170. (In Russ.)
7. Oxford Dictionary. [Electronic resource]. Available from: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> [accessed: 07.08.2024] (definition of the word "advertising").
8. Tverskikh M.V. *The language of advertising: textbook*. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta; 2008. P. 39. (In Russ.)
9. Edwards Ch. Mundy. *Retail Advertising and Sales Promotion*. N.Y.; 1981. P.3.
10. Kotler F. *Marketing Management*: Per. from Engl. SPb.: Piter; 2000. P. 896.
11. Tulupov V.V. *Advertising: theory and practice: a textbook for university students*. Voronezh: Voronezh State University Publishing House; 2011. P. 400. (In Russ.)
12. Nils Balo Interview. [Electronic resource]. Available from: <https://detektor.fm/wissen/jugendsprache> [accessed: 07.08.2024]
13. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. *Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1993. P. 241.
14. Ehmann H. *Jugendsprache und Dialekt. Regionalismen im Sprachgebrauch von Jugendlichen*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1992. P. 252.
15. Henne H. *Jugend und ihre Sprache: Darstellung. Materialien. Kritik*. Berlin. N. Y.: De Gruyter; 1994. 385.
16. Florian Busch, Clemens Tragelehn. Unerwartet sprachkompetent. *Vitamine*. 95(22). Winter 2022.
17. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=IT_zt8SilmU [accessed: 07.08.2024]
18. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=gyP8S5wwiGM> [accessed: 07.08.2024]
19. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=ETKYBLRj4dU> [accessed: 07.08.2024]
20. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://clck.ru/> [accessed: 07.08.2024]
21. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://clck.ru/3CskCq> [accessed: 07.08.2024]
22. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://clck.ru/3CskKb> [accessed: 07.08.2024]
23. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://www.handelsblatt.com/finanzen/banken-versicherungen/banken/jugendmarketing-1-neues-ding-vong-sparkasse/14492370.htm> [accessed: 07.08.2024].

24. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://www.futurezone.de/digital-life/article213102359/mercedes-benz-blamiert-sich-mit-vong-sprache.html> [accessed: 07.08.2024]

25. Examples of advertising [Electronic resource]. Available from: <https://personalmarketing2null.de/2014/03/15/dicke-hupen-lange-schlaeuche-frechmutige-personalwerbung-der-feuerwehr-dormagen/> [accessed: 07.08.2024].

26. Ageeva A.V., Sabirova D.R. Lexico-semantic stratification of slang in French-language Internet comments. *Kazan linguistic journal.* 2023;6(4). Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/392/298> [accessed: 07.08.2024]. (In Russ.)

Авторы публикации

Гусева Марина Игоревна –
старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: margarita7338@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-0502-0126>

Заглядкина Татьяна Яковлевна –
доцент, к.н.,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ztat45@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0409-7340>

Authors of the publication

Guseva Marina Igorevna –
senior lector
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: margarita7338@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-0502-0126>

Zaglyadkina Tatiana Yakovlevna –
associate professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ztat45@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0409-7340>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.10.2024
Одобрена после рецензирования: 10.11.2024
Принята к публикации: 30.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 29.10.2024
Approved after peer reviewing: 10.11.2024
Accepted for publication: 30.11.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК [811.411.21+811.161.1] '271

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.495-504>

**АРАБСКАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА ФОНЕ
РУССКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕНЦИИ
«ПРИГЛАШЕНИЕ»**

Г.С. Калинина¹, Н.В. Габдреева²

¹*Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Республика Татарстан, Россия*

¹gskalinina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3107-9359>

²n.gabdreeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Аннотация. В современном мире все больше людей имеют дело с представителями других культур, и понимание различий в формулах речевого этикета является ключевым фактором успешного общения. Статья рассматривает различия в формулах речевого этикета в арабской и русской культурах на примере интенции «Приглашение». Актуальность исследования заключается в сравнении речевых формул русского и арабского речевого этикета и выявление их специфики. Авторы отмечают, что арабские формулы отражают уважение к старшим, вежливость и гостеприимство, что связано с традиционным образом жизни в арабских странах. В то же время, русские формулы более прямые и не столь формальные. Авторы подчеркивают, что понимание и уважение различий в культурных традициях являются ключевыми факторами успешного общения между людьми из разных культур. Результаты исследования позволяют лучше понять и оценить особенности арабской и русской речевой культуры, специфику коммуникации и взаимодействия при приглашениях. Это исследование имеет практическую значимость для межкультурного общения между арабскими и русскими говорящими, а также может быть полезным для специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода. В целом, данная статья предоставляет новые инсайты и познания в области речевого этикета, открывая путь к дальнейшему исследованию в области коммуникативных различий и сходств между арабской и русской культурами.

Ключевые слова: специфика формул речевого этикета; интенция «Приглашение»; русская корреляция

Для цитирования: Калинина Г.С., Габдреева Н.В. Арабская специфика формул речевого этикета на фоне русской корреляции на примере интенции «Приглашение». *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 495–504. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.495-504>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.495-504>

ARAB SPECIFICITY OF SPEECH ETIQUETTE FORMULAS ON THE BACKGROUND OF RUSSIAN CORRELATION BY THE EXAMPLE OF THE INTENTION “INVITATION”

G.S. Kalinina¹, N.V. Gabdreeva²

¹Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,
Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

²Kazan Federal (Volga region) University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹gskalinina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3107-9359>

²n.gabdreeva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Abstract. In the modern world, more and more people are interacting with representatives of different cultures, and understanding the differences in speech etiquette formulas is a key factor in successful communication. The article examines the differences in speech etiquette formulas in Arabic and Russian cultures using the example of the "Invitation" intention. The relevance of the study lies in comparing the speech formulas of Russian and Arabic speech etiquette and identifying their specificity. The authors note that Arabic formulas reflect respect for elders, politeness, and hospitality, which is associated with the traditional way of life in Arab countries. At the same time, Russian formulas are more direct and less formal. The authors emphasize that understanding and respecting cultural differences are key factors in successful communication between people from different cultures. The research results allow for a better understanding and evaluation of the peculiarities of Arabic and Russian speech cultures, the specifics of communication and interaction during invitations. This study has practical significance for intercultural communication between Arabic and Russian speakers, and it can also be useful for specialists in the field of intercultural communication and translation. Overall, this article provides new insights and knowledge in the field of speech etiquette, paving the way for further research in the area of communicative differences and similarities between Arabic and Russian cultures.

Keywords: development; economic system; region; indicator; coefficient; model

For citation: Kalinina G.S., Gabdreeva N.V. Arab Specificity of Speech Etiquette Formulas on the Background of Russian Correlation by the Example of the Intention “Invitation”. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 495–504. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.495-504>

Формулы речевого этикета являются неотъемлемой частью любой культуры и играют важную роль в общении между людьми. Они помогают устанавливать правила поведения, выражать уважение и доброжелательность, а также создавать благоприятную атмосферу для общения.

Однако каждая культура имеет свои особенности и специфику формул речевого этикета. В частности, арабская культура имеет свои уникальные особенности, которые отличают ее от других культур, включая русскую.

Научная новизна данной статьи заключается в исследовании арабской специфики формул речевого этикета в контексте интенции «Приглашение» и их сравнении с русской корреляцией. Исследование фокусируется на специфических выражениях и использовании формул речевого этикета в арабской и русской культурах с учетом контекстуального значения и культурных особенностей, связанных с интенцией «Приглашение».

Данный аспект речевого этикета на фоне арабской и русской корреляции является недостаточно исследованным и требует дальнейшей обработки и анализа. Исследование обозначает новый подход к изучению формул речевого этикета и интенции «Приглашение», учитывая различия в межкультурных коммуникационных стратегиях и специфические нюансы каждой культуры, особенно в арабском и русском контекстах [1, с. 92].

Это исследование может внести вклад в расширение знаний о специфике речевого этикета в арабской и русской культурах и более глубоко понять культурные отличия в использовании формул речевого этикета в контексте интенции «Приглашение». Оно также может помочь в разработке основанных на интенции моделей межкультурного общения и улучшить понимание и взаимодействие между представителями арабской и русской культур.

В данной статье мы будем рассматривать арабскую специфику формул речевого этикета на фоне русской корреляции на примере интенции «Приглашение». Для этого мы будем опираться на исследования ученых, занимающихся изучением особенностей речевого этикета и использования речевых формул в различных ситуациях.

Особое место среди исследований речевого этикета занимают работы Н.И. Формановской, которая дает следующее определение: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [2, с. 25].

Можно сделать вывод, что русский речевой этикет понятие широкое и многогранное, он представляет собой совокупность словесных форм учтивости, вежливости, доброжелательности, без которых невозможно обойтись в обществе [3, с. 103]. Поэтому оно выработало особую систему ритуалов и соответствующих словесных формул, обслуживающих потребность – устанавливать контакты принятым способом и поддерживать доброжелательную тональность общения [4, с. 224].

Издавна арабы рассматривали красноречие и риторику как важный и необходимый атрибут человеческого общения. «Красноречие, - писал Гюстав Лебон, характеризуя арабскую культуру, - властвует над толпой на Востоке» [5, с. 421]. Эти слова известного французского исследователя, философа, психолога очень точно и ёмко определяют место и роль образности и выразительных средств речи в системе ценностных ориентиров арабов.

В дополнение, мы будем использовать исследования других ученых, таких как Н.Г. Харитонова, которая изучала формулы речевого этикета в русской культуре. Она отмечала, что русская культура также имеет свои уникальные формулы речевого этикета, которые выражают уважение и доброжелательность [6, с. 261], а также опираться на фундаментальный словарь А.Г. Балакая «Русский речевой этикет», в котором собраны около 6000 слов и устойчивых формул русского речевого этикета (приветствия, обращения, знакомства, благодарности, поздравления, просьбы, прощания и т.д.), традиционно употребляемых как в дружеско-доброжелательной, так и в официальной обстановках общения. В данном словаре иллюстрированы примеры из произведений русской художественной литературы, народных говоров, разговорной речи и просторечия. Словарь русского речевого этикета призван способствовать решению таких задач, как: сохранение накопленных веками сокровищ русской вежливости, не утратить русскую культуру предшествующих поколений, чтобы иметь возможность воспользоваться этим наследием для расширения современного языкового поля благожелательности [7, с. 387].

В рамках арабской культуры формулы речевого этикета играют важную роль в общении между людьми. Одной из областей, где арабская культура имеет свои уникальные особенности в использовании формул речевого этикета, является интенция «Приглашение», которое имеет свои отличия от русской корреляции. Одной из таких формул является «تفضل بالمقعد», что означает «*пожалуйста, займите место*». Эта формула может быть использована в различных ситуациях, например, приглашении гостей на обед или чашку чая, при предложении помощи или услуги, при предложении совместной работы и т.д. для выражения уважения к гостю и показывая, что он является желанным и важным для хозяина [8, с. 362].

Также, приглашая гостей на обед или ужин, в арабской культуре очень важно использовать формулы благодарности и похвалы. Например, формула «شكراً على حضوركم» означает «*спасибо за ваше присутствие*» и используется для выражения благодарности гостям за то, что они пришли [9, с. 84].

В русской культуре также есть свои уникальные формулы речевого этикета при приглашении гостей на обед или ужин. Например, формула «приглашаю вас на обед/ужин» является стандартной и используется для приглашения гостей [10, с. 2279].

В арабском языке, приглашение обычно формулируется более вежливо и формально, с использованием формул вежливости и уважения. В русском языке, приглашение может быть более прямым и не столь формальным. Также, в арабском языке часто используется формулировка «نود دعوتكم» (*мы хотели бы пригласить вас*), что также подчеркивает вежливость и уважение. В русском языке часто используются более простые формулировки, которые выражают дружелюбие и приветливость, например, «приходите в гости» или «будем рады видеть вас», «приходите к нам на ужин» [11, с. 49].

Однако, в отличие от арабской культуры, в русской культуре не так акцентируется внимание на выражении почтения и уважения к гостю.

Приведем примеры арабских вежливых формул речевого этикета на примере интенции «Приглашение»:

1. تفضلوا بالمجيء إلى منزلنا لتناول العشاء

Будьте добры прийти к нам домой на ужин.

2. هل ترغب في شرب فنجان قهوة؟

Хотите выпить чашку кофе?

3. نود دعوتكم لحضور حفل زفافنا

Хотели бы пригласить вас на нашу свадьбу.

4. تفضلوا بالجلوس معنا لتناول الشاي

Будьте добры сесть с нами и выпить чашечку чая.

5. يمكنكم الانضمام إلى فريقنا لإنجاز المشروع

Вы можете присоединиться к нашей команде для выполнения проекта.

6. السلام عليكم يشرفني دعوتكم لمشاركتنا أفراح تخرجي، وذلك بمناسبة حصولي على شهادة

البكالوريوس من جامعة بغداد

Мир вам. Для меня большая честь пригласить вас разделить с нами радость моего окончания по случаю получения степени бакалавра в Багдадском университете.

7. بكل الحب والوفاء والتقدير ندعوكم لحضور دعوه عشاء

Со всей любовью, преданностью и признательностью мы приглашаем вас принять участие в приглашении на ужин.

8. أتشرف بدعوتكم

Рад пригласить вас. Это формальная речевая формула, которая выражает уважение и призывает к гостеприимству.

9. يسعدنا دعوتكم لتناول العشاء

Мы рады пригласить вас на ужин. Это приглашение на ужин, выражающее желание совместно провести время и разделить пищу и беседу.

10. نرجو حضوركم في حفلتنا

Мы надеемся на ваше присутствие на нашей вечеринке. Это формальное приглашение, используемое при организации мероприятий или вечеринок.

Формулы речевого этикета в арабском языке отражают глубоко укорененные культурные традиции и ценности, такие как уважение к старшим, вежливость и гостеприимство. Это связано с традиционным образом жизни в арабских странах, где гостеприимство и уважение к гостям имеют особое значение [12, с. 23].

С другой стороны, в русской культуре традиции речевого этикета не столь формальны и не столь связаны с уважением к гостям. В русском языке, приглашение может быть более прямым и не столь формальным. Однако важно помнить, что в любой культуре уважение к другим людям и проявление гостеприимства являются важными ценностями [13, с. 72].

Таким образом, сравнение арабских и русских формул речевого этикета показывает, что каждая культура имеет свои уникальные традиции и ценности, которые отражаются в ее языке и общении. Важно уважать и понимать эти различия, чтобы общение между людьми из разных культур было успешным и гармоничным [14, с. 38].

Взгляд на формулы речевого этикета позволяет увидеть, как они отражают культурные ценности и мировоззрение народа. Формулы речевого этикета не просто являются средством общения, но также отражают отношение к другим людям, культуре, традициям и истории [15, с. 71].

Арабская культура, с ее уникальными формулами речевого этикета, отражает глубокое уважение к гостю и культурной традиции. Приглашение на обед или ужин в арабской культуре является не просто актом гостеприимства, но также выражением уважения к гостю и его значимости для хозяина [16, с. 112].

В русской культуре формулы речевого этикета при приглашении гостей на обед или ужин, скорее выражают дружелюбие и приветливость, чем уважение и почтение [17, с. 52].

Таким образом, изучение арабской специфики формул речевого этикета и сравнение их с русской корреляцией может помочь нам лучше понять и адаптироваться к культурным различиям. Это в свою очередь может привести к

улучшению коммуникации и установлению более продуктивных отношений между арабскими и русскими говорящими.

Список литературы

1. Абузярова Д.Л., Мусабилов Р.Р. Комплимент в английской и русской коммуникативных культурах: сопоставительный анализ. *Казанский лингвистический журнал*. Казань; 2020;1(3):85–101.
2. Формановская Н.И. Культура общения и речевого этикет. Москва: ИКАР; 2005. 233 с.
3. Ларина Т.В. Вежливость в межкультурном общении. *Рус. яз. за рубежом*. Воронеж; 2003:100–105.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: *Языки славянских культур*.; 2009. 512 с.
5. Лебон Г. *История арабской цивилизации*. Минск: МФЦП; 2009. 704 с.
6. Харитонов Н.Г., Вержинская И.В., Путилина Л. В. Роль речевого этикета в сфере деловых отношений. *Образование России и актуальные вопросы современной науки: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции*. Пенза. 2019;(2):258–265.
7. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. Кемерово; 2007. 672 с.
8. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы "медицина" в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал*. Казань. 2022;5(3):360–368.
9. Дерябин В. *Восточный этикет*. Москва: Толмач; 2007. 118 с.
10. Путилина Л.В. Национально-культурный аспект речевого этикета. *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всероссий. науч.-метод. Конференции*. Оренбург: ОГУ. 2018: 2277–2280.
11. Кухарева Е.В. Категория вежливости и формы её проявления в арабской культуре. *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Десятый межвузовский семинар по лингвострановедению*. Москва: МГИМО-Университет; 2013:42–56.
12. Калинина Г.С. Речевого этикет в разнотипных языках. *Дис. ... на соис. учен. степени канд. филол. наук: 10.02.19*. Казань; 2022. 244 с.
13. Габдреева Н.В. Русский речевого этикет: универсальное и специфическое. *Актуальные проблемы 200 современной экономики России. 12 Спиридоновские чтения: сборник материалов междунар. конф.* Казань. 2014;70–74.
14. Сканави А.А. Специфика арабского речевого этикета в сфере официально-деловой коммуникации. *Дис. ... на соис. учен. степени канд. филол. наук: 10.02.22*. Москва; 2005. 177 с.
15. Сухова Е.Ф. Обращения арабского и русского речевых этикетов: материалы для самостоятельной работы, учебно-методическое пособие, часть первая. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет; 2016. 93 с.
16. Михальчук Т.Г. Русский речевого этикет. *Практикум. Асар*. Москва; 2009. 256 с.
17. Луцева О.А. Речевого этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая четверть XX века). *Дис. ... на соис. учен. степени канд. филол. наук: 10.02.19*. Таганрог; 1999. 152 с.

References

1. Abuzyarova D.L., Musabirov R.R. A compliment in the English and Russian communicative cultures: a comparative analysis. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. Kazan; 2020;1(3):85–101. (In Russ.)

2. Formanovskaya N.I. *Communication culture and speech etiquette*. Moskva: IKAR; 2005. 233 p. (In Russ.)
3. Larina T.V. Politeness in intercultural communication. *Rus. yaz. za rubezhom*. Voronezh; 2003:100–105. (In Russ.)
4. Larina T.V. *Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moskva: YAzyki slavyanskikh kul'tur; 2009. 512 p. (In Russ.)
5. Lebon G. *History of Arab civilization*. Minsk: MFTP; 2009. 704 p. (In Russ.)
6. Kharitonova N.G., Verzhinskaya I.V., Putilina L.V. The role of speech etiquette in the sphere of business relations. *Obrazovanie Rossii i aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: sbornik statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Penza. 2019;(2):258–265. (In Russ.)
7. Balakai A.G. *Dictionary of Russian speech etiquette*. Kemerovo; 2007. 672 p. (In Russ.)
8. Sakaeva L.R., Tahtarova S.S., Bazarova L.V., YAhin M.A. Logical and conceptual classification of English, Russian and Turkish medical terminology. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. Kazan; 2022;5(3):360–368. (In Russ.)
9. Deryabin V. *Eastern etiquette*. Moskva: Tolmach; 2007. 118 p. (In Russ.)
10. Putilina L.V. National and cultural aspect of speech etiquette. *Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vseros. nauch.-metod. Konferencii*. Orenburg: OSU. 2018: 2277–2280. (In Russ.)
11. Kukhareva E.V. The category of politeness and forms of its manifestation in Arab culture. *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiya obucheniya. Desyatij mezhvuzovskij seminar po lingvostranovedeniyu*. Moskva: MGIMO-Universitet. 2013:42–56. (In Russ.)
12. Kalinina G.S. Speech etiquette in differently structured languages. *Dis. ... na sois. uchen. stepeni kand. filol. nauk: 10.02.19*. Kazan; 2022. 244 p. (In Russ.)
13. Gabdreeva N.V. Russian speech etiquette: universal and specific. *Aktual'nye problemy 200 sovremennoj ekonomiki Rossii. 12 Spiridonovskie chteniya: sbornik materialov mezhdun. konf.* Kazan. 2014;70–74. (In Russ.)
14. Skanavi A.A. Specifics of Arabic speech etiquette in the field of official business communication. *Dis. ... na sois. uchen. stepeni kand. filol. nauk: 10.02.22*. Moskva; 2005. 177 p. (In Russ.)
15. Sukhova E.F. Addresses of Arabic and Russian speech etiquette: materials for independent work, teaching aid, part one. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet; 2016. 93 p. (In Russ.)
16. Mikhalchuk T.G. *Russian speech etiquette*. Praktikum. Asar. Moskva; 2009. 256 p. (In Russ.)
17. Lutseva O.A. Speech etiquette (category of politeness) and its changes at the junction of two eras (late 19th – first quarter of the 20th century). *Dis. ... na sois. uchen. stepeni kand. filol. nauk: 10.02.19*. Taganrog; 1999. 152 p. (In Russ.)

Авторы публикации

Калинина Галина Сергеевна –
 Доцент
 Набережночелнинский институт (филиал)
 Казанского (Приволжского) федерального
 университета
 Набережные Челны, Республика Татарстан,
 Россия
 Email: gskalinina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3107-9359>

Authors of the publication

Kalinina Galina Sergeevna –
 Associate Professor
 Naberezhnye Chelny Institute (branch) of
 Kazan (Volga Region) Federal University
 Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan,
 Russia
 Email: gskalinina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3107-9359>

Габдреева Наталия Викторовна –
Профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: n.gabdreeva@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6.04.2024
Одобрена после рецензирования: 10.11.2024
Принята к публикации: 30.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Gabdreeva Natalia Victorovna –
Professor
Kazan Federal (Volga region) University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: n.gabdreeva@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0816-2672>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 6.04.2024
Approved after peer reviewing: 10.11.2024
Accepted for publication: 30.11.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'33

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.505-517>

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ДИСКУРСА ПРОФСОЮЗНОЙ РАБОТЫ**

И.В. Манаева

*Ставропольская краевая организация Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации, Ставрополь, Россия
belana189@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>*

Аннотация. Реферируемая статья посвящена определению наиболее эффективных механизмов создания консолидационного пространства институционального дискурса профсоюзной работы. Цель – анализ функционально-прагматического потенциала дискурсивных средств обеспечения единства целеполагания в коммуникации, призванной нормировать условия профессиональной деятельности. Материалом послужили тексты персонально-ориентированных рубрик официального сайта Ставропольской краевой организации Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации. На основе дискурсивно-модусного анализа осуществлено выявление иллокутивных релевантных областей, а также в рамках применения дистрибутивного анализа описаны ключевые топикальные и ситуативные позиции маркеров актуализации исходных целей и динамических задач. Теоретический план работы рассматривает возможности диалектико-реляционного подхода к выявлению иллокуций доминирующего актора профессионального дискурса, а также специфику применения теории речевых актов в процессе определения мотивационных и экспликационных аспектов создания консолидационных высказываний. В результате анализа эмпирического материала были выявлены следующие речеактовые характеристики скопусно-ориентированных рубрик профессионального дискурса профсоюзной работы: 1) унификация прескриптивных и декларативных актов, 2) инициальная позиция инвитивных и вокативных актов (генерализованной семантики), 3) интенсификация лидов в сильных позициях сообщения. Всё это позволяет охарактеризовать функциональную прагматику анализируемого вида профессионального дискурса как ситуативную с отсылкой к ретропическому мифосемиотическому пространству.

Ключевые слова: институциональный дискурс; функциональная прагматика; интенциональность; профсоюзная работа; консолидационная коммуникация; конвенциональность

Для цитирования: Манаева И.В. Функциональная прагматика институционального дискурса профсоюзной работы. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 505–517. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.505-517>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.505-517>

THE FUNCTIONAL PRAGMATICS OF INSTITUTIONAL WORKERS' UNION OFFICIALS DISCOURSE

I.V. Manaeva

*Stavropol regional organization of the Education and Science Workers' Union of
Russian Federation, Stavropol, Russia*

belana189@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>

Abstract. The article under review is devoted to determining the most effective mechanisms for creating a consolidation space for the institutional discourse of workers' union activity. The purpose is to analyze the functional and pragmatic potential of discursive means of ensuring the unity of goal-setting in communication, tasked to normalize the conditions of professional activity. The material includes texts of the personally oriented sections of the official website of the Stavropol regional organization of the Education and Science Workers' Union of Russian Federation. The identification of illocutionary relevant areas is made based on the discursive-modus analysis. The key topical and situational positions of initial goals and dynamic tasks actualization markers described within the framework of the distributive analysis application. The theoretical work plan considers the possibilities of a Dialectical Relational Approach to identifying the illocution of the professional discourse dominant actor, as well as the specifics of the speech acts theory applying in the process of determining motivational and explicative aspects of creating consolidation utterances. As a result of the empirical material analysis, the following speech act characteristics of the scopus-oriented sections of the professional discourse workers' union activity are revealed: 1) unification of prescriptive and declarative acts, 2) the initial position of invitive and vocative acts (generalized semantics), 3) lead intensification within strong comment stance. This equates to characterize the functional pragmatics of the analyzed professional discourse type as situational with reference to the retrotopic mythosemiotic space.

Keywords: institutional discourse; functional pragmatics; intentionality; workers' union activity; consolidation communication; conventionality

For citation: Manaeva I.V. The Functional Pragmatics of Institutional Workers' Union Officials Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 505–517. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.505-517>

Современные коммуникативные практики, как и всё сообщество, характеризуются не только традиционно существовавшими и признанными социальной наукой критериями стратификации, в социумном членении доминирующей основой объединения становится интенциональность и релевантность тематических и деятельностных пространств всех участников взаимодействия. Одной из наиболее четко детерминированных пространством единого целеполагания, общими интересами и исходными посылками к осуществлению коммуникации, а также к достижению реального изменения ситуации в действительности является взаимодействие в рамках профессиональных союзов работников той или

иной сферы деятельности (дискурс профсоюзной работы). Несмотря на то, что уровень профессиональных знаний и навыков каждого члена профессионального неспециализированного объединения, его инициальные мотивы и потенциал экспликации ценностно-ориентационных компонентов, т.е. исходный когнитивный актив, существенно разнятся, весь выстраиваемый в рамках профсоюзной работы коммуникативный процесс не характеризуется как диссонансный, – именно общая макропозиция коллективной релевантности позволяет объединить частные значимости (мотивационные, интерпретационные и актуальные) [1, с. 123].

При создании текстов, обеспечивающих коммуникацию по вопросам непрофессионального объединения представителей одной отрасли, решению задач, связанных с порядком и формами осуществления их деятельности, доминирующий актор, который инициирует общение, не просто стремится модифицировать информационно-знаниевый континуум, но и влияет на систему оценки профессионально детерминированных событий и феноменов адресата. В данном случае на первое место выступает учет фокуса реципиента, корреляции общетематической направленности которого с пространством социумной (профсоюзной релевантности) создают основу для консолидационного дискурса. Совокупность элементов манипулирования (мягкого или жесткого) сознанием адресата в области расширенного некооперативного взаимодействия формирует функционально-прагматическое ядро институциональной коммуникации.

Одной из составляющих коммуникации вообще и коммуникации внутри профсоюзных организаций является интенциональность. Создавая текст для профсоюзного СМИ, автор реализует свои намерения изменить уровень знаний и систему оценок адресата, а также закладывает в текст элементы, учитывающие фактор воспринимающего субъекта, способствующие адекватному пониманию содержания, формирующие отношение реципиента к изложенному или даже манипулирующие его сознанием. Совокупность этих элементов создает коммуникативно-прагматическое значение текста профсоюзных изданий.

Материал и методы

Главной целью настоящего исследования является определение маркеров консолидации в институциональном дискурсе профсоюзной работы, а также анализ их функционально-прагматического потенциала в рамках обеспечения консолидации целей по структурированию и нормированию условий профессиональной деятельности. В качестве эмпирического материала нами были выбраны тексты персонально-ориентированных рубрик официального сайта Ставропольской краевой организации Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации [2]. Для осуществления максимально прецизного описания прагматических характеристик исследуемых единиц применялась комплексная методология, включающая элементы дискурсивно-модусного анализа [3], дополненные приемами статистического и дистрибутивного анализа, позволяющими выявить не только частотность появления, а значит и прогностическую эффективность имплементируемых компонентов, но и их типичное окружение в тематическом, иллокутивном и локутивном аспектах функционирования.

Результаты и дискуссия

Функционально-прагматический аспект порождения высказываний и топикально детерминированных информационных сообщений профессионального дискурса профсоюзной работы до настоящего времени не становился предметом системного изучения диалектико-реляционного направления критического дискурс-анализа. Однако с ростом информативных и манипулятивных возможностей профсоюзной деятельности в условиях распространения новых медиа (социальные сети профсоюзных организаций, официальные корпоративные сайты с обязательной рубрикацией профсоюзной страницы, выделение двусторонних рубрик «обратной связи» сайтов профсоюзных организаций различного уровня и т.п.) стремительно растет и влияние профессиональных объединений, как «силы, с которой считается исполнительная власть, сотрудничает законодательная» [2]. А значит возрастает и острая актуальность исследований,

позволяющих адекватно воспринимать консолидационные интенции современных профессиональных социумных групп. В нашем исследовании функциональная прагматика трактуется как совокупность интенциональных иллокуций продуцента топиально и скопусно-терминально детерминированного высказывания, обеспечиваемыми имитационными стратегиями подстраивания под ситуативные ожидания реципиента. Делимитация лингвистической прагматики, анализирующей лексические альтернаты в рамках частных задач, возникающих в процессе осуществления коммуникации, от дискурсивной прагматики, как интенционального стратагемно-тактического варьирования целостного дискурсивного события, которой она и соподчиняется, представляется краеугольным камнем описания мотивационного и формально-репрезентационного планов дискурса профсоюзной деятельности.

Коль скоро актуализация и интенсификация элементарных единиц (маркеров) происходит на генерализованном уровне дискурса, то и формирование функционально-прагматического контекста в его тематической привязке осуществляется в метацелевом интендировании, как форме прогнозирования иллокуций участников коммуникативного взаимодействия и перлокутивного эффекта избираемых на основе закрепленных в языковом сознании моделей гармонизации/конфликтивизации общения [4]. Именно эта прогнозируемость эффекта в конвенционализированной форме аллюзивных отсылок к общелингукультурным и детерминированным конкретной областью профессиональной деятельности прецедентам оправдывает использование исходно негармонизирующих коммуникацию форм (декларативные, консультативные, инвитивные, прескриптивные, перформативные речевые акты).

Осознание параметров выбора тематики и регистра представления иллокутивной цели в дискурсе профсоюзной работы является отправной точкой повышения прагматического потенциала высказываний. Анализируя функциональную прагматику «программируемого», модельноцентрического текста, необходимо в первую очередь остановиться на выделении исходной динамиче-

ской иллокуции адресанта. Иллокутивный акт в триаде «иллокуция – локуция – перлокуция» закономерно соотносится с креативным актом инвенции, схематизм подачи в различных регистрах обеспечивается актами диспозиции и элокуции. Из этого следует, что творческое начало прагматизации институциональных высказываний уравнивается наличием прескрипций в осуществлении профессиональной интеракции, которые созданы третичным агентом и зафиксированы в руководствах, законах, нормах и т.д. для осуществления не только модерации, но и регуляции исходно некооперативного взаимодействия [5]. Таким образом, при определении типа дискурса не только как институционального или персонально-ориентированного, но и его видовой принадлежности к профессиональной области взаимодействия, а также его субстанционального плана реализации, ключевым критериальным признаком выступает его иллокутивная цель, существенно влияющая на адекватность интерпретации пропозициональных компонентов генерализованного содержания.

Как следует из вышеприведенных аргументов, концепция иллокутивной детерминации в рамках типологизации речеактового состава высказываний профессионального дискурса профсоюзной деятельности достаточно органично вписывается в алгоритм анализа дискурсивного единства как семиотического комплекса в его текстовой представленности. Иллокутивное пространство в совокупности отдельных реализаций целеполагания также может быть очерчено не только на основе маркеров, содержащихся в тексте (лексики, морфологии, синтактики), но и с учетом конситуативных и контекстуальных факторов, структурирующих текстовый план дискурсивного события. Как отмечают некоторые авторы поверхностный текстуальный уровень дискурсивного события эксплицируется в конвенционализированных языковых структурах (регламенте и регистре сообщения), иллокуция как отражение метацелей и профессиональной «ментальности» имплицитруется в маркерах адресатной фокусности [6, с. 444]. Под текстовой субстанциональной составляющей интерпретативного пространства мы предлагаем понимать не только собственно вербальное представ-

ление иллокуции, но и интегральную совокупность элементов различных кодовых систем (паравербальной, иконической, индексальной, композиционной). При определении типа иллокутивного акта, т.е. функционально-прагматического потенциала маркеров иллокутивно-перлокутивного соответствия, в данном случае следует в первую очередь делимитировать средства трансляции намерения доминирующего актора – метацель дискурсопорождения.

Для наглядности проанализирует несколько текстовых реализаций дискурса профсоюзной деятельности, отобранных методом стратификационной выборки на официальном сайте краевой профсоюзной организации работников образования. Прежде всего следует остановиться на базовом тексте председателя, расположенном на главной странице и по содержанию коррелирующим с текстом миссии организации, призванной описать основные векторы и пути существования и ценностные ориентиры формируемого сообщества профессионалов [7].

В качестве инкоативного компонента введения в текстовое описание используется генерализованное обращение-синтон, призванное не только служить в качестве лида, т.е. описывать таргетную группу потенциальных реципиентов, но и уже на этапе аттракции объединить её представителей в некое сообщество «коллег»: *Уважаемые коллеги, работники отрасли образования!* [2].

В рамках максимальной институционализации (следования жестким паттернам общения и высокого уровня конвенционализированных выражений, воспринимаемых в качестве канцеляризмов) имплементация генерализованных обращений-синтонов как при непосредственном общении в сфере профсоюзной деятельности, так и в онлайн-взаимодействии на официальных корпоративных сайтах в ключевых лидах, обращениях руководства, рубриках «Профсоюзный Эдьютон» и др., существенно гармонизирует консолидационную коммуникацию и формирует наиболее благоприятную среду для профессионального взаимодействия [8, с. 233]. Таким образом. В рамках использования генерализованных обращений-синтонов реализуется прагматика консолидации потенциаль-

ных реципиентов и метацель аттракции вкупе с позитивизацией интерпретативного фона, что осуществляется посредством снятия исходно провокативных элементов делиберации.

Ещё одним из наиболее действенных средств реализации иллокутивной цели является декларативно-лозунговая форма описания миссии объединения:

Думается, – это правильный путь, вероятно, единственно возможный в плане цивилизованного осуществления идеи о справедливости и диктате закона, путь к гармоничной жизненной самореализации человека [2].

В данном микроконтексте присутствует маркер делиберативности профессионального дискурса профсоюзной работы. Вводный элемент *думается* существенно снижает уровень эпистемической ответственности за представленное в дальнейшем тексте декларации содержание, но при этом интенсифицирует личностное начало, индивидуальную уверенность и убежденность в «избрании этого пути». Данный эпизодический субъективно аргументативный элемент несет дополнительную функциональную нагрузку по интимизации ценностных ориентиров и аксиологических компонентов всего сообщения. На основе введения в общее гипертекстовое пространство креолизованного элемента визуального кодирования (фото председателя профсоюза в рабочей обстановке) как персонифицированного адресанта, индивидуальные компоненты концептуально-валёрной системы могут транслироваться и восприниматься, а впоследствии и вводятся в собственные ценностно-ориентационные пространства, реципиентами.

Кроме того, следует отметить высокую эффективность вербализации прецедентных феноменов в рассматриваемом пассаже, а также их максимальную насыщенность ретротопическими семантическими и семиотическими компонентами [9], что характерно для текстов дискурса профсоюзной деятельности. Прецедентная фраза «*Правильный и единственно возможный путь...*» не только порождает аллюзии с диалектическим материализмом, противопоставившим убежденности Ф. Ницше о невозможности выбора «правильного пути»,

но и отсылает реципиента к ностальгии по «советскому прошлому». Другие концепты, репрезентирующие «социальные блага»: СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДИКТАТ ЗАКОНА, ГАРМОНИЯ, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ, представляют собой общецивилизационные константы и призваны снизить критическое отношение к содержанию речи доминирующего актора, а значит повысить априорное принятие *ad hoc* эксплицируемых идей единения и значимости целей.

Перечень прецедентных феноменов, к которым осуществляются отсылки современных высказываний доминирующих акторов профсоюзного взаимодействия коррелирует с мифосемиотическим пространством советского периода, трансформация же символов происходит в рамках ситуативной и темпоральной адаптации исходного пространства к ретротопическим (ностальгическим) областям как эмоциональной, так и логической аргументации. Каждый из представляемых в полимодальном единстве прецедентных феноменов профессиональной интеракции в дискурсе профсоюзной работы обязательно носит комплексный характер не только в аспекте кодовой конвергенции, но и маркируется синергетическим взаимодействием привязанных к исходному прецеденту всех элементов, которые либо присутствуют в семиотике инициального события, либо привносятся в модифицированный прецедентный феномен в ходе сходных дискурсивных практик [10, с. 81].

Рассмотрим еще один способ интенсификации целей не только информирования, но и побуждения реципиентов к действию. Это информационные сообщения, маскирующие глубинную метачель перформатизации, т.е. обязательности осуществления действий, которые описываются в макроконтексте.

6-8 июня в Псковской области пройдут Дни Пушкинской поэзии и русской культуры, посвящённые 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

В рамках мероприятий Общероссийский Профсоюз образования организует и проводит Форум учителей русского языка, который проводится по инициативе правительства Псковской области и при поддержке Министер-

ства просвещения Российской Федерации, Ассоциации учителей литературы и русского языка, Института современного искусства.

Заявки на участие в Форуме от субъектов образовательной деятельности принимаются на официальном сайте мероприятия посредством заполнения специальной формы [2].

Подобные информационные пассажи хотя и носят информативный характер и предназначены для широкого круга реципиентов с весьма различными исходными пространствами целеполагания ввиду ряда имплицитруемых актуальных ролей интерпретаторов [11, с. 121], актуализация целевой группы происходит при повторяющемся подчеркивании лида «Форум учителей русского языка», «Ассоциации учителей литературы и русского языка» – в названии мероприятий, о которых информируют, именовании организаций, под эгидой которых проводится мероприятие и т.д.

Осуществление максимизации влияния, реализация цели по подаче заявок, происходит не в форме прямого прескриптива, как обычно происходит в статусно-ориентированном пространстве институционального дискурса, но скрытого инвита с намеренным подчеркиванием алгоритма совершения требуемого действия. Для алгоритмизации применяется четкое указание на «время и место мероприятия и завершается фразой с просьбой отправлять любые запросы через специальную рубрику на официальном сайте» [11, с. 122]. Причем эти компоненты образуют как бы рамку, т.е. название, формат и место и время приводятся в начале сообщения, сразу за лидом-обращением, а порядок участия завершает текст.

Выводы

На основе проведенного анализа микроконтекстов и структуры сообщений в различных рубриках официальных сайтов профсоюзных организаций можно сделать вывод о ситуативно детерминированном характере маркеров иллокутивно-перлокутивного соответствия в рассматриваемом виде профессионального дискурса. Пропозитивное пространство дискурсивных практик влия-

ния связано с доминирующими метацелями института профсоюзного объединения как пространства консолидации акторов по вопросам организации профессиональной деятельности вне непосредственного, структурированного институтом топикального взаимодействия общения. Прецизный анализ соотношения форм представления базовых компонентов пространства целеполагания обеспечивается сочетанием дискурсивно-модусного анализа исходных намерений (иллокуций) и дистрибутивного анализа наиболее частотных окружений актуализации маркеров влияния. Контекстуальное варьирование форм интенсификации прагматической нагрузки производится на основе динамического развития частных задач по представлению различных видов информации в профессиональном дискурсе профсоюзной работы: фактуальной, аргументативной, манипулятивной. Сильные позиции текста сообщений в дискурсе профсоюзной деятельности характеризуются следующей спецификой речеактового состава высказываний: 1) унификация прескриптивных и декларативных актов, 2) инициальная позиция инвитивных и вокативных актов (генерализованной семантики), 3) интенциональное структурно-композиционное и семиотическое выделение синтонных лидов, маркирующих целевую группу.

Список литературы

1. Бредихин С.Н., Шибкова О.С., Гусаренко С.В. Когнитивный блендинг как основа создания релевантности высказывания. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023;4:118–128.
2. Пресс-центр. Ставропольская краевая организация Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации. URL: <https://stvprofedu.ru/press-centr/press/> [дата обращения: 08.08.2024].
3. Алефиренко Н.Ф. Языковой образ: дискурсивно-модусный креатив. Научный результат. *Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2022;8(4):3–14.
4. Бредихин С.Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2013;4:110–113.
5. Бредихина Ю.И. Tertiarius agens как фактор институционализации дискурса социальной работы. Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: *Сборник статей по материалам VII ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука – региону» (03-29 апреля 2019 г.)*. Ставрополь: Параграф. 2019;4:136–141.
6. Ширяева Т.А. Когнитивно-коммуникативная парадигма современного делового дискурса. *Когнитивные исследования языка*. 2015;20:444–453.
7. Абдулкадыров М.М. Языковая специфика «миссии организации» в английском виртуальном корпоративном дискурсе: автореф. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Пятигорск; 2019. 24 с.

8. Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-синтонов в японской онлайн коммуникации. *Казанский лингвистический журнал.* 2023; 6(2):223–235.
9. Шапинская Е.Н. Символика ретропии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа. *Вестник культурологии.* 2023;2(105):245–258.
10. Марченко Т.В., Бредихин С.Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* 2023;2:70–85.
11. Тахтарова С.С., Сиваева И.И. Жанровые характеристики цифрового дипломатического дискурса США. *Казанский лингвистический журнал.* 2024;7(1):116–126.

References

1. Bredikhin S.N., Shibkova O.S., Gusarenko S.V. Cognitive Blending as the Basis for Utterance Relevance Generation. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2023;4: 118–128. (In Russ.)
2. Media Centre. Stavropol Regional Organization of the Education and Science Workers' Union of Russian Federation. Available from: <https://stvprofedu.ru/press-centr/press/> [accessed: 08.08.2024].
3. Alefirenko N.F. Language Imagery: Discursive and Modus Creative. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics.* 2022;8(4):3–14.
4. Bredikhin S.N. Metameans As Complex Structures Of The “Schemes Of Acting” Within Hermeneutical Understanding. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin.* 2013;4:110–113.
5. Bredikhina Yu.I. Tertiariis Agens as a Factor of the Discourse of Social Work Institutionalization. *Isomorphic and Allomorphic Features of Language Systems: in Materials of the VII Annual Scientific and Practical Conference “University Science – Region” (03-29 April 2019).* Stavropol: Paragraph; 2019;4:136–141. (In Russ.).
6. Shiryayeva T.A. Cognitive and Communitive Paradigm of Modern Business Discourse. *Cognitive Studies of Language.* 2015;20:444–453. (In Russ.).
7. Abdulkadyrov M.M. Language Specifics “Organization’s Mission” in English Virtual Corporate Discourse: Extended Abstract of Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Pyatigorsk; 2019. 24 p.
8. Bredikhin S.N., Shishkin B.A. Gender Stratification of Addresses-syntones in Japanese Online Communication. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(2):223–235. (In Russ.).
9. Shapinskaya E.N. Symbolism of retrotopia in (post) modern popular culture: a new life of the Soviet myth. *Herald of Culturology.* 2023; 2(105):245–258. (In Russ.).
10. Marchenko T.V., Bredikhin S.N. System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2023;2:70–85. (In Russ.).
11. Tahtarova S.S., Sivaeva I.I. Genre peculiarities of American Digital Diplomacy. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(1):116–126. (In Russ.).

Автор публикации

Манаева Ирина Валерьевна –

Главный специалист отдела по связям с общественностью

Ставропольская краевая организация

Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации

Ставрополь, Россия

Email: belana189@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>

Author of the publication

Manaeva Irina Valerevna –

Information Chief Specialist of the Public Relations Department

Stavropol regional organization of the Education and

Science Workers' Union of Russian Federation

Stavropol, Russia

Email: belana189@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>

Раскрытие информации о конфликте

Conflicts of Interest Disclosure

интересов

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.08.2024

Одобрена после рецензирования: 10.09.2024

Принята к публикации: 30.10.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 16.08.2024

Approved after peer reviewing: 10.09.2024

Accepted for publication: 30.10.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.512.157

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.518-528>

**ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ТЕКСТА
«АХТЫЫЛАР/ВОСПОМИНАНИЯ/ERINNERUNGEN»
А.Я. УВАРОВСКОГО В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Т.Н. Николаева

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
tnikolaeva184@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультуры текста «Ахтыылар/Воспоминания/Erinnerungen» в сопоставительном аспекте. Данное произведение привлекает наше внимание как уникальное сочинение, в котором зафиксированы фрагменты национальной картины мира, переведенные на русский и немецкий языки. Актуальность работы связана с практической необходимостью изучения лингвистических и экстралингвистических особенностей первого памятника якутской художественной литературы в сопоставительном аспекте с учетом особенностей представленной языковой картины мира трех лингвокультур. Цель статьи – выявление и описание лингвокультурологических особенностей текста Ахтыылар/Воспоминаний/Erinnerungen для уточнения смыслов лингвокультурем, которые не имеют соответствий в инокультурном пространстве. Задачи исследования: выявить природу лингвокультуры как единицы, включающей в себя как языковое значение, так и внеязыковой культурный смысл в контексте современных подходов освещения проблем лингвокультурологии; провести сопоставительный анализ природы лингвокультурем в текстах на якутском, русском и немецком языках; определить возможные варианты передачи лингвокультурем в переводных текстах.

Из лингвокультурем, обозначающих предметы традиционной культуры якутов, можно выделить примеры, выражающие национальную меру длины, единицы измерения времени, наименования блюд, предметов одежды, видов жилища и т.д. Для их релевантной замены в языке перевода применены такие приемы, как транслитерация, калькирование, лексико-семантическая замена, описательный перевод.

Для дальнейшей интерпретации общей национальной картины мира северян необходимо рассмотреть этнокультурный портрет якута в контексте локального жизнеописания, представленного в «Ахтыылар/Воспоминаниях» А.Я. Уваровского.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурема; иноязычная культура; безэквивалентная лексика; сопоставительный аспект; традиционная культура

Для цитирования: Николаева Т.Н. Лингвокультуры текста «Ахтыылар/Воспоминания/Erinnerungen» А.Я. Уваровского в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 518–528. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.518-528>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.518-528>

LINGUOCULTUREMES OF THE TEXT "AKHTYYLAR/MEMOIRS/ERINNERUNGEN" BY A.YA. UVAROVSKY IN A COMPARATIVE ASPECT

T. N. Nikolaeva

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

tnikolaeva184@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>

Abstract. The article discusses the linguistic culture of the text "Akhtyylyar/Memoirs/Erinnerungen" in a comparative aspect. This work attracts our attention as a unique work, which contains fragments of the national worldview, translated into Russian and German. The relevance of the work is connected with the practical need to study the linguistic and extralinguistic features of the first monument of Yakut fiction in a comparative aspect, taking into account the peculiarities of the presented linguistic picture of the world of three linguistic cultures. The purpose of the article is to identify and describe the linguistic and cultural features of the Akhtyylyar text/Memoirs/Erinnerungen to clarify the meanings of linguistic cultures that do not have correspondences in the foreign cultural space. Research objectives: to find out the nature of linguoculturalism as a unit that includes both linguistic meaning and non-linguistic cultural meaning in the context of modern approaches to highlighting the problems of linguoculturology; to conduct a comparative analysis of the nature of linguoculturalism in texts in Yakut, Russian and German; identify possible options for the transfer of linguistic cultures in translated texts.

Among the linguistic culturemes denoting objects of traditional Yakut culture, examples can be identified expressing the national measure of length, units of time, names of dishes, garments, types of housing, etc. For their relevant adaption in the translation language, such techniques as transliteration, calque, lexico-semantic substitution, descriptive translation are used.

For further interpretation of the general national picture of the world of the Northerners, it is necessary to consider the ethnocultural portrait of Yakut in the context of the local biography presented in "Akhtyylyar/Memoirs" by A.Ya. Uvarovsky.

Keywords: linguoculturology; linguoculturema; foreign language culture; non-equivalent vocabulary; comparative aspect; traditional culture

For citation: Nikolaeva T.N. Linguoculturemes of the text "Akhtyylyar/Memoirs/Erinnerungen" by A.Ya. Uvarovsky in a Comparative Aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 518–528. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.518-528>

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению лингвокультурам и их иноязычных соответствий в сопоставительном аспекте с учетом динамики развития лингвокультурологических процессов. В последнее время появляются работы, в которых рассматривается проблема иноязычных соответствий в переводных вариантах с целью уточнения ключевых терминов, в целом, и для номинации лингвокультурам в иноязычной версии, в частности, например, исследования А.С. Овчинниковой, А.А. Лебедевой в со-

авторстве с М.Г. Новиковой, Е.П. Юнковой [1; 2; 3]. В предлагаемой работе разделяется мнение о том, что базовым понятием лингвокультурологии считается «лингвокультуре́ма» – единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). Она может быть выражена словом, словосочетанием, целым текстом. Термин был предложен В.В. Воробьевым. Рассматривая природу лингвокультуре́мы, исследователи склонны считать, что она, по своей структуре, единица сложная, многослойная, так как в ней воедино слились не только языковое значение, но и внеязыковой национальный колорит.

Проблема достижения адекватного восприятия иноязычного и инокультурного текста становится предметом широкого обсуждения в рамках сравнительно-сопоставительного анализа в исследованиях Н.Б. Кудрявцевой, О.А. Нестеровой в соавторстве с Е.Н. Соколовой, Е.Б. Елисеевой, Р.Х. Хайруллиной, Ф.Г. Фаткуллиной [4; 5; 6; 7; 8].

Материал для предлагаемой статьи извлечен из текста «Убарыскай ахтыгыта» на якутском [9, с.13-57], «Воспоминания Уваровского» на русском [9, с.74-122] и «Uwarowskij's Erinnerungen» на немецком языках [9, с.140-194]. Выбор данных источников продиктован практической необходимостью изучения лингвистических и экстралингвистических особенностей первого памятника якутской художественной литературы в сопоставительном аспекте с учетом особенностей представленной картины мира в разноязычных культурах.

Предметом данного исследования выступают отдельные фрагменты, где содержатся лингвокультуре́мы, которые представляют интерес с точки зрения изучения способов передачи национально - культурного своеобразия в процессе перевода на русский и немецкий языки. При этом мы рассматриваем только те культураносные единицы, которые при переводе на другие языки обнаруживают некоторые семантические смещения, что приводит к смысловой потере получаемой культурной информации от исходного текста и требует применения определенных способов и приемов для их дешифровки.

Традиционная культура повседневности через призму культурем

В «Воспоминаниях» автор рассказывает о своей, порой суровой личной жизни, хозяйственном укладе и быте якутов того времени, своеобразной и своенравной местной природе, пережитых незабываемых впечатлениях от посещенных местностей северного края.

Для выражения территориального расстояния по земле автор использует якутскую меру длины *көс*, равную примерно 10 км, в зависимости от способа передвижения *көс* раньше обозначал различной длины расстояние.

Например:

Икки көс көс анара Дьокуской гуорадын хотугу өттүгэр Киллэм диэн сир баар [9, с.16]

Два или полтора кеса к северу от города Якутска есть местность, которая называется Кильдямцы [9, с.77]

*Zwei und ein halb Kö*s auf der Nordseite von der Stadt Jakutsk ist eine Gegend, die Killäm heisst [9, с. 144].

В наше время данное наименование постепенно утрачивает свое значение и предназначение как основная единица измерения длины, уступая полностью свою функцию современному счислению в километрах. Для представителей различных лингвокультурных общностей, даже для современных якутов *көс* возможно будет понято с помощью комментария его значения на примере контекста. В данном примере наблюдается перевод якутского наименования территории с помощью транслитерации без пояснения содержания данного понятия. Получателям информации не вполне понятно, какая длина расстояния мыслится под словом *көс*.

Восприятие времени у якутов было организовано сообразно времени доению коров, например, во фрагменте якутского текста упомянуто *кунуску ынах ыыр кэм*, т.е. дневное доение коров, что соответствует отрезку времени между 9 - 10 часами утра и передано способом калькирования

соответствующей единицы с дополнительным уточнением времени в скобках для читателей на русском и немецком языках.

Соол күн күнүскү ынах ыыр кэм кэринигэр талыылларын бүтэрэн баран барылара биһиги дьиэбитигэр мунньустубуттара [9, с.14]

В тот же самый день, примерно в то время, когда происходит *дневное доение коров (между 9 и 10)*, собрались они все, после того как совершили грабеж, в нашем доме [9, с.75]

Demselben Tag, ungefähr zu der Zeit, wann *die Tagesmelkung der Kühe (zwischen 9 und 10)* vor sich geht, versammelten sie sich alle, nachdem sie den Raub vollbracht hatten, in unserm Hause [9, с.141].

Поскольку у якутов отсутствовало понятие *час*, то для его выражения использовали выражение *күөс быстына*, что означало время варки мяса (примерно около одного часа). С точки зрения современного читателя данное выражение считается якутской старинной мерой времени, его употребление представлено в следующем контексте, а на русский и немецкий языки осуществлен семантический перевод. Эквивалентность трансляции иной культуры достигается благодаря использованию переводческой трансформации в виде конкретизации значения.

Күөс быстына сыппыт тэллэхтэрбит саптыбыт суорбаннырбыт илийиэхтэригэр диэри сытан баран утуйбуппут [9, с.23]

После того как мы лежали *час*, так что постели, на которых мы лежали, и одеяла, которыми мы укрылись, нагрелись, мы заснули [9, с.84]

Nachdem wir *eine Stunde* gelegen hatten, so dass die Betten, auf denen wir lagen, und die Decken, mit denen wir uns bedeckt hatten, warm geworden waren, schliefen wir ein [9, с.152].

Якуты возраст как людей, так и домашних животных исчисляли по снегам. Старшее поколение такое определение возраста понимает, помнит и употребляет в устной и письменной речи. В следующем примере слово *хаар* означает не снег, а возраст собаки, которой был седьмой год, букв. 'ее седьмой

снег'. На русский и немецкий языки данная лингвокультурема передана прямым / буквальным переводом, поэтому требует пояснения, толкования.

Ытым *сэттис хаара баара* [9, с.25]

Был седьмой снег моей собаки [9, с.87]

Es war *der siebente Schnee* meines Hundes [9, с.155].

В нижеприводимом примере перечислены наименования артефактов – предметов зимней одежды, из которых современному читателю более понятно слово *үтүлүк* ('рукавица'), остальные лексемы *этэрбэс* и *кэтинчэ* представляют еле уловимые, едва знакомые номинации вещей, без которых зимой не только отправляться в далекий путь, даже выходить наружу было невозможно.

Илийиэхтэригэр дылы сигийбит кэппит *этэрбэспитин кэтинчибитин үтүлүктэрбитин*, сииктэрэ табыстын диэн, дирин хаарга көммүттэрэ [9, с.23]

Сапоги, носки и рукавицы, которые на нас были надеты и которые насквозь промокли. они (проводники) закопали в глубокий снег, чтобы влагу вытянуло [9, с.84]

Die Stiefeln, Strümpfe und Handschuhe, die wir angehabt hatten und die bis zum Nassein feucht geworden waren, vergruben sie in tiefen Schnee, damit die Feuchtigkeit hinauszöge [9, с.152].

Этэрбэс – обувь из кожи, похожая на сапоги, торбаса. Она может быть изготовлена из коровьей кожи, из лосиной или оленьей замши, выделка и пошив производятся ручным способом. Для иноязычной культуры передача значения данной лексемы как *сапоги* и как *die Stiefeln* ('сапоги') оправдана в силу схожести некоторых характеристик внешней формы, например, наличие голенищ, но подошва бывает мягкой в отличие от подошвы сапог.

Кэтинчэ – суконные или меховые толстые носки, надеваемые с торбасами или сапогами. В примере данное слово переведено как *носки* и *die Strümpfe*, что тоже соответствует для понимания и представления внешней формы данного изделия, однако требует комментария как национально-самобытная единица. Словарь Э.К.Пекарского позволяет дополнить представление о

данном виде нательного белья, предназначенного для ношения на ногах, исходя из температурных и сезонных условий местности, а также наличия пригодного для его изготовления материала [10, с.1069].

В тексте представлен целый перечень якутских продуктов, изготавливаемых из коровьего молока, часть которых не будет понятна современному читателю, например, *үүт үрдэ* передано как *сливки*, на немецком языке как 'сладкая сметана', но сметана передана как кислая сметана; *арыы* как 'русское (топленое масло)', на немецком языке его прямой перевод; лексема *хайах* передана на русский язык как 'якутское масло', на немецком языке наблюдается его дословный перевод. Необычной является передача наименования *күөрчэх*. Если слово *күөрчэх* на русский язык передано транслитерацией, то на немецкий язык переведено более развернуто, описательно, чтобы дать понятие о пене, приготавливаемой посредством взбивания и прибавления небольшого количества золы. Такую интерпретацию приготовления этого молочного продукта содержит Словарь Э.К.Пекарского [11, с. 1320]. Лексема *ымдаан* для передачи на русский язык представлена как 'напиток из кислого молока', а на немецком языке как 'вода, смешанная со сладким и кислым молоком'. Слово *кымыс* на русский и немецкий языки передано транслитерацией без комментария технологии его изготовления и употребления.

Ынах үүтүттэн онгороллор үүт үрдүн сүөгэи арыыны хайабы үрүмэни күөрчэби суораты бөлөнөбү тары сингэни ымданы кымыһы [9, с.54]

Из коровьего молока они изготавливают *сливки, сметану, русское (топленое) и якутское масло, пенки, керчях, суорат, простоквашу-тар, напиток из кислого молока (ымдаан) и кумыс* [9, с.117]

Aus Kuhmilch bereiten sie süssen Rahm, sauern Rahm, Russische (geschmolzene) und Jakutische Butter, Haut, mit Asche bereiteten Schaum, saure Milch, gekäste Milch, gesauerte gekochte Milch, Wasser mit süsser und sauer Milch vermischt, und Kymys [9, с.189].

При обозначении жилища встречаются разные наименования, например, Бу сиргэ мин аҕам ийэм икки Эдьигэннэ бара иликтэринэ үчүгэй *Нучча дьиэтин* туттан олобуттара [9, с.16]

Здесь мой отец и моя мать, прежде чем они уехали в Жиганск, построили хороший *русский дом* и в нем жили [9, с.77]

Hier hatten mein Vater und meine Mutter, ehe sie nach Shigansk gingen, sich ein hübsches *russisches Haus* gebaut und darin gewohnt [9, с.144].

В словаре Э.К.Пекарского указано, что *саха дьиэтэ* – якутский дом, юрта, хижина, изба якутской архитектуры изготовлена из бревен, поставленных вертикально, *нуучча дьиэтэ* – сруб, жилье, дом русской архитектуры сложен из бревен, положенных горизонтально [10, с. 818].

Номинация *саха дьиэтэ* на русский язык передана как '*якутская юрта*', а на немецкий язык способом дословного перевода для сохранения значения реалии: *Sаха дьиэтигэр; в якутской юрте; im Hause eines Jakuten*. В данном контексте лингокультурная интерпретация основана на различии архитектурных особенностей *саха дьиэтэ* досл. '*якутский дом*' и *нуучча дьиэтэ* досл. '*русский дом*', более подробно об этом сказано выше.

В тексте встречается наименование жилища северян – *ураһа* [бур. урса балаган], которое, по определению словаря Э.К.Пекарского, '*летнее жилище (юрта) якутов*' (*ураһа дьиэ*) в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых снаружи листьями бересты, древесной корой, прутьями или оленьими шкурами, самая древняя форма якутского жилища [12, с.3062].

В следующем фрагменте лексема *ураһа* переведена на русский язык транслитерацией, а на немецкий язык передача слова *балаҕан* осуществлена как *die Jurte*, лексемы *ураһа* – калькой *kegelförmige Jurte aus Birkenrinde* досл. '*конусообразная юрта из бересты*', таким образом автор проводит разграничение значения двух наименований якутского жилища.

Балабан аттыгар, баар буоллабына, туос *ураһаны* туруорар: бу *ураһаба* кэргэнниин дьиэлээх тойон бэйэтэ олорор, *балабанна* хамначчытара олоролор [9, с.53]

Рядом со своей *юртой* он ставит, если это возможно, конусообразную *урасу из бересты*; в этой *урасе из бересты* живет сам хозяин со своей семьей, в *юрте* же живут батраки [9, с.116]

Hier setzt er, wenn es angeht, neben seiner *Jurte eine kegelförmige Jurte aus Birkenrinde* hin; in dieser *Jurte aus Birkenrinde* wohnt der Hausherr selbst mit seiner Familie, in der anderen *Jurte* wohnen die Knechte [9, с.188].

В следующем контексте говорится о празднике ысыах, который в словаре Э.К.Пекарского определен как старинный большой кумысный праздник, справлявшийся весной или летом, когда много кобыльего молока, в честь божества айыы или Аар Тойон [12, с.3834]:

Икки үс күнүнэн урут сурах биэрэр *ыһыах* оноруох күнүн [9, с.56]

За два или три дня он объявляет день, в который он задумал устроить *ысыах* [9, с.119]

Zwei bis drei Tage vorher macht er den Tag bekannt, an dem er *das Sommerfest* zu veranstalten gedenkt [9, с.191].

Как видно на примере, лексема *ыһыах* переведена транслитерацией, а на немецкий язык способом калькирования как '*летний праздник*'. Для представителей иной культуры необходимо дать полный комментарий с целью раскрытия глубинного смысла и прагматического потенциала данного действия.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи была рассмотрена лишь небольшая часть примеров с этнокультурной спецификой, принадлежащих к реалиям жизни, быта, наименований продуктов, артефактов, описания природы, счисления времени, которая для иноязычной и инокультурной аудитории вызывает затруднения в понимании их глубинного смысла.

Поиск адекватного способа трансляции этнокультурной информации был решен за счет применения, в основном, таких стратегий, как калькирование, транслитерация и описательный перевод, которые служат для передачи безэквивалентной лексики. По мнению лингвистов, лингвокультурема относится к разряду безэквивалентной лексики, т.е. не имеет аналогов в переводящем языке.

Для сохранения национального колорита можно снабдить примеры лингвокультурем переводческим комментарием или расшифровкой значения транслитерированных этноспецифических понятий, относящихся к реалиям, или составить и приложить лингвокультурологический словарь-комментарий к этим текстам. Текст «Воспоминаний» представляет собой источник культурно значимой информации как для представителей иной лингвокультуры, так и для современных носителей родного языка и культуры. Соответственно, рационально составленный лингвокультурологический словарь-комментарий снимет основные трудности при чтении и восприятии данного текста как культурного феномена.

Список литературы

1. Овчинникова А.С. *Сопоставительный анализ лингвокультурем и их соответствий в разноструктурных языках (на примере поэтических текстов В.С.Высоцкого и их переводов на английский, немецкий, испанский, итальянский и французский языки)*: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Мытищи; 2022. 28 с.
2. Лебедева А.А., Новикова, М.Г. Особенности реализации социокультурологической и прагматической адаптации при переводе: дискурсивно-коммуникативный подход. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2023;2:84–98.
3. Юнкова Е.П. Передача лингвокультурем в художественном переводе повести «Питер Пэн». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019;10:213–224.
4. Кудрявцева Н.Б., Нарыжная Д.С. Лингвокультурема как основная единица лингвокультурологических исследований. *Сборник материалов V междунар. науч. конф.* Белгород, 18-19 апр. 2019 г. Лексикография и коммуникация. Белгород: Издательство БелГУ; 2019. С. 191–193.
5. Нестерова О.А., Соколова Е.Н. Лингвокультурема как маркер идентичности (на примере перевода на английский язык романа Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза»). *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021;19(1):127–141.
6. Елисеева Е.Б. Лингвокультурема как единица декодирования культурных смыслов при переводе художественного текста. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013;3(21):67–70.
7. Хайруллина Р.Х. Художественный текст в аспекте сопоставительной лингвокультурологии и перевода. *Доклады Башкирского университета*. 2023;8(1):23–28.
8. Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;1(3):102–112. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112.
9. Уваровской А.Я. *Ахтылар* / Отв. ред. Р.П.Осипова; сост. Ю.И.Васильев, Л.В.Жожилова. Якутск: Бичик; 2003. 208 с.
10. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Л.: изд-во АН СССР; 1959. Т. I.: 1279 с.
11. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Л.: изд-во АН СССР; 1959. Т. II.: 2508 с.
12. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Л.: изд-во АН СССР; 1959. Т. III.: 3858 с.

References

1. Ovchinnikova A.S., *Comparative analysis of linguistic cultures and their correspondences in languages of different structure (on the example of V. S. Vysotsky's poetic texts and their translations into English, German, Spanish, Italian and French)*. Abstract of the thesis. dis. cand.philol. Sciences. Mytishchi; 2022. 28 с. (in Russ.)
2. Lebedeva A. A., Novikova, M. G. Sociocultural and pragmatic adaptation in translation: discourse and communication approach. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2023;2:84–98.. (in Russ.)
3. Yunkova E.P. Translation of linguocultures in the fiction text “Peter Pan”. *RUDNJournal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;10:213–224. (in Russ.)
4. Kudryavtseva, N.B., Naryzhnaya, D.S. Linguocultural as the basic unit of linguistic and cultural studies. *Collection of materials of the V International Scientific Conference*, Belgorod, April 18–19, 2019. Lexicography and communication. Belgorod: BelSU Publishing House; 2019. P. 91–193. (in Russ.)
5. Nesterova O. A., Sokolova E. N. Linguocultureme as a Marker of Identity (Based on English Translation of the Novel *Zuleikha* by G. Yakhina). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021;19(1):127–141. (in Russ.)
6. Eliseeva E.B. Linguo-cultureme as unit of cultural meanings decoding in literary text translation. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2013;3(21):67–70. (in Russ.)
7. Khairullina R.Kh. Literary text in the aspect of comparative linguoculturology and translation. *Reports of Bashkir University*. Ufa, Russia. 2023;8(1):23–28. (in Russ.)
8. Fatkullina F.G. Linguoculturology and linguoculture: correlation of concepts. *Kazan linguistic journal*. 2020;1(3):102–112. (In Russ.). DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.102-112.
9. Uvarovskaj A.Ja. *Memories*. Yakutsk: Bichik; 2003. 208 p. (in Russ.)
10. Pekarskij Je.K. Dictionary of the Yakut language, Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. Vol.I.:1279. (in Russ.)
11. Pekarskij Je.K. Dictionary of the Yakut language, Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. Vol.II.: 2508. (in Russ.)
12. Pekarskij Je.K. Dictionary of the Yakut language, Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. Vol. III.: 3858. (in Russ.)

Автор публикации

Николаева Татьяна Николаевна –
Кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова
Якутск, Россия
Email: tnikolaeva184@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19.06.2024
Одобрена после рецензирования: 10.07.2024
Принята к публикации: 30.09.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Nikolaeva Tatiana Nikolaevna –
Ph.D. in Philology
North-Eastern Federal University
named after M. K. Ammosov
Yakutsk, Russia
Email: tnikolaeva184@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7346-9737>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 19.06.2024
Approved after peer reviewing: 10.07.2024
Accepted for publication: 30.09.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'33

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.529-539>

**ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «ВЛАСТЬ – НАРОД»**

А.Г. Чабанная

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

1709nastyal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1049-3534>

Аннотация. Статья посвящена вопросу научно-теоретического описания дискурсивных механизмов достижения коммуникативного успеха в политическом дискурсе посредством речевого манипулирования на основе концептуальной оппозиции «власть – народ». Целью данной статьи является выявление лексем, репрезентирующих концепты «власть – народ» в немецкоязычном политическом дискурсе. Актуальность исследования обоснована ростом количества текстов политической направленности, но при этом фрагментарным изучением бинарной концептуальной оппозиции «власть – народ». Научная новизна заключается в том, что в данной работе предпринята попытка установления дискурсивной специфики использования концептуальной оппозиции «власть – народ» как средства манипулирования сознанием в ее корреляции с актуальными лингвостатистическими данными. Теоретическая часть статьи заключается в рассмотрении понятий речевого воздействия и концептуальных оппозиций как инструмента манипулирования. В практической части приведены статистические данные, которые отражают наиболее частотные лексемы-репрезентанты исследуемых концептов. Материал исследования представлен официальными политическими речами канцлера Федеративной республики Германия. В результате получены данные о концептуальной оппозиции «власть – народ», которая отражает институциональный аспект взаимодействия субъектов политической коммуникации. Значимость полученных результатов состоит в применимости полученных данных для осуществления эффективного противодействия манипулятивному речевому воздействию в политическом дискурсе.

Ключевые слова: концепт «власть»; концепт «народ»; немецкоязычный политический дискурс; речевое воздействие; политическая коммуникация

Для цитирования: Чабанная А.Г. Дискурсивные механизмы речевого манипулирования в немецкоязычном политическом дискурсе на примере концептуальной оппозиции «власть – народ». *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(4): 529–539. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.529-539>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.529-539>

DISCURSIVE MEANS OF SPEECH MANIPULATION IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE BASED ON THE CONCEPTUAL OPPOSITION “GOVERNMENT – PEOPLE”

A.G. Chabannaya

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

1709nastyal@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1049-3534>

Abstract. The article is devoted to the issue of scientific and theoretical description of discursive means for achieving communicative success in political discourse through speech manipulation based on the conceptual opposition “government – people”. The purpose of this article is to identify lexemes representing the concepts of “government – people” in German political discourse. The relevance of the study is justified by the increase in the number of texts of a political orientation, but at the same time by a fragmentary study of the binary conceptual opposition “government – people”. The scientific novelty lies in the fact that in this work an attempt is made to establish the discursive specifics of the use of the conceptual opposition “government – people” as a mean of manipulating consciousness in its correlation with relevant linguistic and statistical data. The theoretical part of the article is to consider the concepts of speech influence and conceptual oppositions as a tool of manipulation. In the practical part, statistical data are presented that reflect the most frequent lexemes-representatives of the concepts under study. The research material is presented by the official political speeches of the Chancellor of the Federal Republic of Germany. As a result, data were obtained on the conceptual opposition “government – people”, which reflects the institutional aspect of the interaction of subjects of political communication. The significance of the results obtained lies in the applicability of the data obtained to effectively counteract manipulative speech influence in political discourse.

Keywords: the concept of “government”; the concept of “people”; German-language political discourse; speech influence; political communication

For citation: Chabannaya A.G. Discursive Mechanisms of Speech Manipulation in German–Language Political Discourse on the Example of the Conceptual Opposition “Government – People”. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(4): 529–539. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.4.529-539>

В современном обществе трансляция знаний, фактов и отражение происходящих событий представляются важными и необходимыми. Информация играет значительную роль в наши дни, что обуславливает особое значение политической коммуникации. Исследование политического дискурса является значимым, что объясняется необходимостью достижения коммуникативного успеха в коммуникации. Успешность в политической коммуникации может быть достигнута посредством использования определенных лексических единиц с манипулятивным потенциалом.

Эффективность политической коммуникации напрямую зависит от ее способности влиять на аудиторию.

Вслед за Е.И. Шейгал, под политическим дискурсом мы понимаем речевые образования, содержание которых связано с политической сферой [1, с. 121]. Обобщая исследования в области политического дискурса, вслед за Ю.Ю. Сухановым, среди признаков данного вида дискурса выделим институциональность, театральность, авторитарность, дистанцированность, фактор масс-медиа, динамичность, смысловую неопределенность и информативность. Каждый из признаков имеет свою особенность, которая обусловлена интенциональной составляющей политического дискурса [2, с. 148].

Согласимся с С.Н. Колесниковой, которая считает исследуемый вид дискурса особой разновидностью, что обусловлено его целью, которая заключается в завоевании и удержании политической власти [3, с. 68]. О.Л. Михалёва также подчеркивает, что борьба за власть представляется важной целью политического дискурса и предопределяет его манипулятивный характер. При этом исследователь отмечает, что данная цель является детерминирующим фактором при выборе стратегий речевого поведения участниками политического дискурса [4, с. 54-55].

Н.А. Ощепкова подчеркивает, что реализация главных целей политического дискурса, состоящих в передаче выгодной политическому деятелю информации и убеждении ее получателя, возможна посредством речевого воздействия, основанного на использовании стратегий и тактик. При этом автор отмечает, что данные языковые инструменты «меняют когнитивную сферу адресата, влияют на его систему ценностей, эмоции и волю» [5, с. 122].

Опираясь на исследования Е.В. Шелестюк, обобщившей работы и постулаты лингвистов, под речевым воздействием понимаем целенаправленное речевое общение [6]. И.А. Стернин дает наиболее полное определение речевого воздействия, поэтому считаем целесообразным принять за основу его. По его мнению, это «воздействие человека на другого человека или группу лиц при

помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [7, с. 51].

К основным характеристикам речевого воздействия А.Г. Янбердин и Ф.Г. Фаткуллина относят инструментальность, которая подразумевает возможность речевого воздействия посредством употребления определенных языковых средств, и направленность этих средств на определенные сферы сознания реципиента информации. В основе речевого воздействия лежат два основных механизма: убеждение, которое апеллирует к сознанию, и внушение, воздействующее на подсознание. Манипулятивное воздействие, являясь разновидностью речевого, отличается акцентом на суггестивном воздействии, скрытно внедряя в психику адресата установки, выгодные отправителю сообщения [8, с. 574-575].

На наш взгляд, одним из инструментов речевого манипулирования является концепт. Под концептом, вслед за С.Г. Воркачевым, понимаем единицу лингвокультурологии, представляющую вербализованный культурный смысл [9, с. 76]. М.А. Яхин и Л.Р. Сакаева отмечают, что в основе концепта отражены ценности социума, которые образуют структуру сознания, что позволяет облегчить моделирование системы ценностей лингвокультуры [10, с. 43]. Данное явление, в свою очередь, обладает речевоздействующим потенциалом и позволяет достичь коммуникативного успеха в политической коммуникации.

Эффективным инструментом речевого манипулирования в политическом дискурсе представляется использование бинарных концептуальных оппозиций, которые являются, по мнению М.Д. Невинской, оппозицией концептов, находящихся в отношениях противоположности [11, с. 8].

И.М. Митриев отмечает важность концептов «политика», «власть», «народ», «государство» для понимания языка в политической сфере различных народов [12, с. 161]. В политическом дискурсе основными концептами являются концепты «власть» и «народ», так как отражают субъектов

политической коммуникации, поэтому наше исследование направлено на рассмотрение бинарной концептуальной оппозиции «власть – народ». Некоторые исследователи отмечают, что ядро концепта «власть» – это государственная власть, государство, органы государственного управления. Периферия концепта включает лиц, работающих в органах власти, и местные власти. Семантическое поле концепта «народ» состоит из таких понятий, как жители государства, люди, народность, нация [13, с. 117].

В данной работе в качестве материала исследования используются высказывания и политические речи канцлера Германии, Олафа Шольца за май–июнь 2024 года. Отметим, что тексты представлены на официальном сайте немецкого правительства, раздел Reden (<https://www.bundestkanzler.de/bk-de/aktuelles/reden>). Анализ материала проводился при помощи корпусного менеджера LancsBox. В нашем пользовательском корпусе, представленном 18 текстами, насчитывается 36578 токенов. Стоит отметить, что немецкий язык характеризуется большим количеством сложных слов, поэтому количество лексем в нашем исследовании будет включать не только отдельные слова, но и сложные слова с анализируемым компонентом.

Наиболее частотными лексическими единицами, с помощью которых репрезентируется концепт «власть», являются следующие:

- Deutschland (Германия) – 194 раза;
- Land (страна) – 90 раз;
- Regierung (правительство) – 84 раза;
- Staat (государство) – 41 раз;
- Bund (союз, объединение) – 40 раз.

Данное утверждение можно продемонстрировать следующими примерами:

- *Das Ziel ist klar. Es geht darum, dass **unser Land** und Europa bei allen entscheidenden Zukunftstechnologien <...> im globalen Maßstab vorne dabei sind* [14, от 30.05.2024] – Цель ясна. Речь идет о том, чтобы наша страна и

Европа были впереди по всем важнейшим технологиям будущего <...> в глобальном масштабе (Перевод наш – А.Г.)

- *Denn auch die Lösungen umgeben **uns**, wenn **wir** global zusammenarbeiten – **Regierung**, Thinktanks und Zivilgesellschaft [14, om 07.05.2024] – Потому что решения также охватывают нас, когда мы сотрудничаем на глобальном уровне – правительство, аналитические центры и гражданское общество (Перевод наш – А.Г.)*

- *Als **Bundesregierung** unterstützen **wir** mit den Jugendberufsagenturen vor Ort, mit der Ausbildungsgarantie, mit der Allianz für Aus- und Weiterbildung und dem Sommer der Berufsausbildung [14, om 15.05.2024] – Как федеральное правительство мы поддерживаем местные агентства по трудоустройству молодежи посредством гарантии обучения, объединения по обучению и повышению квалификации и летним периодом профессионального обучения (Перевод наш – А.Г.)*

- *Vielmehr braucht es dafür einen Ausbau der Infrastruktur <...> einfach mal zu machen – im Team zwischen **Staat** und Privatwirtschaft [14, om 05.06.2024] – Скорее, для этого нужно просто развивать инфраструктуру <...> в команде с государством и частным сектором (Перевод наш – А.Г.).*

Полученные результаты подтверждают изложенную выше мысль о том, что семантическое поле концепта «власть» представлено, в основном, понятиями государства и органов государственного управления. Лексемы-репрезентанты анализируемого концепта используются с личным местоимением «wir» (мы) и его производными формами, что, на наш взгляд, обладает суггестивным потенциалом, так как в таком случае отражается совместная работа органов управления и власти как между собой, так и с гражданами страны.

Репрезентация концепта «народ» представлена следующими лексемами:

- Damen / Frauen (дамы, женщины) – 82 раза;
- Herren / Männer (господа, мужчины) – 63 раза;

- Gesellschaft (общество) – 25 раз;
- Volk (народ) – 18 раз
- Leute (люди, народ) – 16 раз.

Продemonстрировать данное утверждение можно следующими примерами:

- *Aber gerade diese **Leute** brauchen **wir**, wenn wir möglichst alle in unserem Land erreichen wollen [14, от 03.06.2024] – Но именно такие люди нужны нам, если мы хотим охватить как можно больше в нашей стране (Перевод наш – А.Г.)*
- *Ich weiß um die derzeitigen Schwierigkeiten Ihrer Branche, ich weiß um die Bedeutung für **unsere Volkswirtschaft** und den **gesellschaftlichen** Zusammenhalt [14, от 05.06.2024] – Я знаю о нынешних трудностях в вашей отрасли, знаю, насколько она важна для нашей экономики и для социальной сплоченности (Перевод наш – А.Г.)*
- *Es ist mir wichtig, das hier noch einmal klar und deutlich zu sagen: Wer diese Offenheit aufs Spiel setzt, wer allen Ernstes einen Austritt aus der Europäischen Union fordert, der hat schon lange kein Unternehmen mehr von innen gesehen, der hat Ihnen nicht zugehört, **meine Damen und Herren** [14, от 15.05.2024] – Мне важно еще раз четко и ясно заявить здесь: кто ставит под угрозу эту открытость, кто всерьез призывает к выходу из Европейского Союза, тот давно уже не видел компании изнутри, он не слушал вас, дамы и господа (Перевод наш – А.Г.).*

Таким образом, выявлено, что концепт «народ» репрезентируется посредством понятий люди, жители страны. В данном случае с исследуемыми лексемами-репрезентантами также используется «wir» (мы) и его формы. Речевоздействующий потенциал в данном случае заключается в отождествлении политика с гражданами Германии, подчеркивая важность совместных решений для общего блага, тем самым создавая выгодный политическому деятелю положительный образ.

Необходимо подчеркнуть, что некоторые лексемы, например, Deutschland (Германия) или Deutsch (немец, немецкий) (встречается 257 раз – прим. наше – А.Г.), в зависимости от контекста могут быть репрезентантами обоих концептов. Например:

- *Leute, <...>, die über die Vertreibung von Zuwanderern und Deutschen mit Migrationshintergrund schwadronieren, <...> [14, от 04.06.2024] – Люди, <...> которые рассуждают о выселении иммигрантов и немцев из числа иммигрантов, <...> (Перевод наш – А.Г.).* В данном случае, мы понимаем, что речь идет о гражданах страны. Соответственно, здесь лексема Deutschen является репрезентантом концепта «народ».
- *Gemeinsam mit Partnern wie der Weltbank, der EU und der japanischen Agentur für internationale Zusammenarbeit unterstützt Deutschland den ukrainischen Business Development Fund [14, от 11.06.2024] – Вместе с такими партнерами, как Всемирный банк, ЕС и Японское агентство международного сотрудничества, Германия поддерживает Украинский фонд развития бизнеса (Перевод наш – А.Г.).* Здесь лексема Deutschland, на наш взгляд, репрезентирует концепт «власть», так как подразумеваются политические деятели и организации Германии.

Исследуемые лексемы могут выступать как репрезентанты обоих членов концептуальной оппозиции, тем самым представляя собой инструмент речевого воздействия. Манипулятивный потенциал лексем-репрезентантов, на наш взгляд, состоит в том, что реципиенты информации в таком случае рассматривают себя наравне с властью.

Таким образом, в ходе исследования нами выявлено, что в немецкоязычном политическом дискурсе бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» представляет собой один из инструментов речевого манипулирования. Полученные результаты доказывают, что семантическое поле концепта «власть» представлено понятиями «государство» и «органы

государственного управления», а концепт «народ» репрезентируется посредством понятий «люди», «жители страны». Лексемы-репрезентанты обоих концептов употребляются с личным местоимением «wir» (мы) и его производными формами. В таком случае демонстрируется совместная деятельность политических деятелей и обычных жителей государства. Лексические единицы в зависимости от контекста являются репрезентантами обоих членов концептуальной оппозиции «власть – народ». При этом необходимо подчеркнуть, что данная концептуальная оппозиция не используется для полного противопоставления двух субъектов политической коммуникации, а отражает институциональный аспект взаимодействия субъектов политического дискурса. Значимость полученных результатов состоит в применимости полученных данных для осуществления эффективного противодействия манипулятивному речевому воздействию в политическом дискурсе. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности разработки эффективных механизмов противодействия манипулированию в политическом дискурсе.

Список литературы

1. Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис; 2004.
2. Суханов Ю.Ю. Специфика политического дискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;5-1(71):147–149.
3. Колесникова С.Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2011;33(248)(60):67–69.
4. Михалева О.Л. *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. М.: Либроком; 2009.
5. Ощепкова Н.А. Реализация механизмов речевого воздействия в политическом дискурсе. *Гуманитарные и социальные науки*. 2020;(3): 121–132.
6. Шелестюк Е.В. *Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография* 2-е издание. М.: ФЛИНТА: Наука; 2014.
7. Стернин И.А. *Введение в речевое воздействие*. М.: Российская государственная библиотека; 2001.
8. Янбердин А.Г., Фаткуллина Ф.Г. Речевоздействующий потенциал языковой личности в институциональном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(4):568–577.
9. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели. *Филологические науки*. 2005;(4):76–83.
10. Яхин М.А., Сакаева Л.Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. *Казанский лингвистический журнал*. 2019;4(2):38–47.

11. Невинская М.Д. *Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе*: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград; 2006.
12. Митриев И.М. Основные концепты современного политического дискурса. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2022;11-5(74):159–161.
13. Лучинская Е.Н., Кабаньян Б.С. Концептуализация понятий «народ» / «власть» в общественно-политическом журнальном дискурсе. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал.* 2024;10(76)(1):113–118.
14. Официальный сайт федерального правительства Германии. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/reden> [дата обращения 13.09.2024].

References

1. Shejgal E.I. *Semiotics of political discourse*. M.: Gnozis; 2004. (In Russ.)
2. Suhanov Yu.Yu. The specifics of political discourse. *Philology. Theory & Practice*. 2017;5-1(71):147–149. (In Russ.)
3. Kolesnikova S.N. Features of political discourse and its interpretation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*. 2011;33(248)(60):67–69. (In Russ.)
4. Mihaleva O.L. *Political discourse. The specifics of manipulative influence*. M.: Librokom; 2009. (In Russ.)
5. Oshchepkova N.A. The implementation of mechanisms of speech influence in political discourse. *The Humanities and Social science*. 2020;(3): 121–132. (In Russ.)
6. Shelestyuk E.V. *Speech influence: Ontology and research methodology*: monograph 2nd edition. M.: FLINTA: Nauka; 2014. (In Russ.)
7. Sternin I.A. *Introduction to speech influence*. M.: Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka; 2001. (In Russ.)
8. Yanberdin A.G., Fatkullina F.G. Speech-influencing potential of a linguistic personality in institutional discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):568–577. (In Russ.)
9. Vorkachev S.G. Linguoconceptology and intercultural communication: origins and aims. *Philology*. 2005;(4):76–83. (In Russ.)
10. Yahin M.A., Sakaeva L.R.. Concept as a basic feature of cognitive linguistics in the works of domestic and foreign linguists. *Kazan Linguistic Journal*. 2019; 4 (2):38–47. (In Russ.)
11. Nevinskaya M.D. The conceptual opposition “people – government” in political discourse: abstract. diss... cand. Philol. Sciences. Volgograd; 2006. (In Russ.)
12. Mitriev I.M. The main concepts of modern political discourse. *International Journal of Natural and Human Sciences*. 2022;11-5(74):159–161. (In Russ.)
13. Luchinskaya E.N., Kaban'yan B.S. Conceptualization of the concepts of “people” / “government” in socio-political journalistic discourse. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 2024;10(76)(1):113–118. (In Russ.)
14. Official website of the German Federal Government. Available from: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/reden> [accessed 13.09.2024].

Автор публикации

Чабанная Анастасия Геннадьевна –
ассистент
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: 1709nastyal@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-1049-3534>

Author of the publication

Chabannaya Anastasiya Gennadievna –
Assistant
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: 1709nastyal@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-1049-3534>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.10.2024

Одобрена после рецензирования: 15.11.2024

Принята к публикации: 30.11.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Article info

Submitted: 29.10.2024

Approved after peer reviewing: 15.11.2024

Accepted for publication: 30.11.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 16.12.2024. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

Дата выхода в свет: 16.12.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужиной, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

